ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 48 (2431) Среда, 16 июня 1948 г. Цена 40 коп.

Решающая сила пятилетки

Прежним хозяевам русской промышленности не было нужды тратиться на механизацию труда, — нищая, ограбляемая помещиками и кулаками деревня в избытке доставляла забойщиков, саночников, коногонов, чернорабочих. «Хозяева южных заводов, — вспоминает академик И. П. Бардин, — бельгийские, французские, немецкие капиталисты не видели в этом (механизации) необходимости. К чему, в самом деле, нужна была им механизация, дорогие машины, когда в России дешевые рабочие руки?.. Поэтому все решалось просто: лопатка, ломик, кувалда и бессчетные массы обладателей мозолистых рук. Идеи механизации рассматривались поэтому как посягательство на святая «святых». И в загрузке шихты на металлургических заводах царил каталь с его «козой», в зарубке угля царил обушок, саночник на себе подвозил уголь к штреку, а в старом Криворожье бурили «на кияяку», то-есть зарубник забивался в породу просто молотком.

Вспомнив это, столь недавнее прошлое, можно понять и достойно оценить, как далеко шагнули мы вперед, как могуче перевооружился труд в нашей стране! Сколько было воя, злобы, насмешек буржуазии и ее лакеев по поводу решения большевиков покончить с обушком, «козой», «киянкой», салазками, сохой. Но прошли 13 блистательных лет первых пятилеток, и в металлургии исчез каталь с его «козой», зато есть десятки построенных по последнему слову техники домен, где все механизировано, где шихту подают скиповые под'емники, летку забивает электропушка, а управление доменным процессом автоматизировано; в угледобыче нет уже обушка и санок, но зато есть сотни новых шахт, где гремят удары отбойных молотков и врубовых машин, а уголь из забоев убирается конвейерами; в сельском хозяйстве нет больше сохи, но зато на колхозные поля вышли сотни тысяч тракторов и комбайнов, тысячи и тысячи самых разнообразных машин, заменивших ручной труд.

Изменилась экономика, техника, изменились и люди. «Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны». Эти вдохновляющие слова товарища Жданова относятся и к культурно-техническому росту наших людей. Сколь велики были надежды врагов на то, что русские крестьяне просто переломают диковинные машины и станки. Но и эта надежда капиталистов скоро лопнула. Да, сперва ломали — учились! Но довольно скоро перестали ломать и поразили врагов и друзей чудесами стахановского освоения новой техники: перед изумленным миром встала страна инженеров, техников, механиков, слесарей, токарей, инструментальщиков, электротехников, трактористов, комбайнеров, летчиков, танкистов, подводников — талантливый советский народ, вписавший в историю мирового технического прогресса ее самую вдохновенную страницу.

Грандиозно то, что мы уже сделали в раскрепощении и перевооружении труда, но не менее грандиозно и то, что еще предстоит сделать. Задача форсированной механизации трудоемких и тяжелых работ — одна из главных задач пятилетки.

Надо совершенно отчетливо представить себе: мы не можем двигаться дальше, не совершив технической революции в тех отраслях, где все еще широко применяется ручной труд, — в добыче угля, руды и торфа, в сельском хозяйстве, в заготовках леса, в строительной промышленности, на транспорте. До сих пор в этих отраслях хозяйства механизации подверглись лишь отдельные операции, а не процесс труда в целом.

Между тем, гигантский рост машиностроения, с каждым месяцем нарастающий выпуск машин и механизмов позволяют нам поднять на новую, высшую ступень механизацию труда, — боевым лозунгом дня отныне становится комплексная, т. е. всесторонняя, всеоб'емлющая механизация труда. От механизации отдельных операций к механизации всего производственного процесса, от отдельных машин к системе машин и механизмов — таков тот новый большой шаг, который мы совершаем в 1948 году.

Победа комплексной механизации возможна лишь при всеобщей мобилизации сил. Однако, если обратиться к живой практике дня, обнаружится, что идея комплексной механизации не овладела еще в нужной степени умами иных руководителей машиностроения.

Пятилетний план поставил перед Министерствами угольной промышленности Западных и Восточных районов в качестве центральной задачи — механизировать навалку угля и погрузку породы. Прошло два с половиной года, но оба министерства до сих пор не организовали массового внедрения угольных комбайнов и врубонавалочных машин.

Помочь угольщикам призваны были другие министерства. Но люди по-разному поняли задание правительства. Министерство транспортного машиностроения сумело в кратчайшие сроки организовать массовый выпуск угольных комбайнов и погрузочных машин. Заводы министерства дали высокое качество изготовления этих машин. По-иному поняли боевое задание в Министерстве вооружения. Давно уже прошли все сроки, а министерство так и не организовало массового выпуска целого ряда угольных машин. Особенно тревожно обстоит дело с производством врубовок для коротких забоев и передвижных подземных компрессоров. Между тем, именно этих машин и нехватает для комплексной механизации угледобычи. Министерство строительного и дорожного машиностроения до сих пор не организовало массового выпуска полного набора дорожно-строительных машин, необходимых для осуществления государственного плана дорожного строительства.

Благодаря принятым партией и правительством мерам, отрасли тяжелого и трудоемкого труда получают сейчас новую технику во все более и более возрастающих размерах. Таким образом, в порядок дня во всей своей остроте встал сейчас вопрос об освоении новой техники. В некоторых министерствах за последнее время определилась своеобразная тенденция— люди требуют неограниченного количества машин и механизмов, но совсем не думают об их использовании и уж вовсе не склонны думать о сокращении своих требований на рабочую силу. Между тем, используются машины порою плохо. Яркий пример — Министерство угольной промышленности Восточных районов. Здесь в действии находятся лишь 51 проц. врубовых машин — 49 проц. врубовок всегда в ремонте и... в запасе. Или вот другая, не менее тревожная цифра: работающие врубовки дают лишь 62 проц. довоенной производительности. Экономисты подсчитали: достигнув довоенной производительности врубовок, министерство смогло бы повысить добычу угля на двадцать процентов.

Огромное внимание партии и правительства к механизации нашло яркое воплощение в факте присуждения большого количества Сталинских премий за разработку и внедрение машин, заменяющих ручной труд, — трелевочного трактора, угольного комбайна Макарова, машин для добычи фрезерного торфа, мощного экскаватора, льноуборочного комбайна и т. д. Выражение столь высокого признания народа обязывает научно-конструкторские организации активизировать свои силы для решения огромной исторической задачи — создания совершенных систем машин для комплексной механизации тяжелых и трудоемких работ.

Советская литература может многое сделать для ускорения победы большой механизации. Прославить идущих вперед, обличить отстающих, активизировать живые силы этого великого движения времени — такова самая ближайшая задача советских литераторов.

Но это далеко не все. Форсированная механизация вовлекает в процесс культурно-технического роста миллионы наших людей. Вчерашний землекоп становится сегодня машинистом электрического экскаватора. Вчерашний грузчик становится машинистом автогрузчика. Это—коренное изменение в навыках и приемах труда, это часто переворот в человеческой судьбе. Долг литературы—показать новых людей, рожденных в процессе большой механизации. «Мы должны показать этих новых людей, героизм которых не в том, что они, надрываясь, переносят на себе непосильные тяжести, — для этого теперь у нас существуют краны... Мы должны показать людей жизнерадостных, методически и упорно овладевающих техникой новых производств, строящих лучшую жизнь с глубоким чувством ответственности за свою работу перед страной» (М. Горький).

Благодарная задача литературы — художественно воплотить процесс перехода миллионов советских людей от ручного труда к управлению машиной, процесс рождения новой гигантской армии квалифицированного труда, ибо нет в мире героики более величественной, чем героика труда, творчества.

Е. СТАРИНКЕВИЧ

БОРЕЦ ЗА ЖИЗНЬ

Монография профессора Александра Дмитриевича Тимофеевского «Эксплантация опухолей человека», за которую он удостоен Сталинской премии первой степени, небольшая по об'ему книга — всего каких-нибудь 150 страниц. Но в ней собран такой богатый экспериментальный материал и делаются такие важные выводы, что она справедливо занимает первое место в мировой научной литературе по этому вопросу.

Язык экспериментальной науки немногословен: короткие абзацы сообщают то о положительном, то об отрицательном результате проведенного исследования. А за этими абзацами — годы ежедневных кропотливых наблюдений и упорных исканий, годы большого человеческого труда.

Лаконично сформулированные выводы открывают широчайшие перспективы для дальнейших исследований в области клинической физиологии, экспериментальной патологии и особенно онкологии — науки о злокачественных опухолях.

Метод эксплантации — выращивания тканей вне организма,—применяемый профессором А. Д. Тимофеевским для исследования опухолей человека, дает возможность изучать природу злокачественных новообразований в строго контролируемых лабораторных условиях. Пользуясь им, можно проследить влияние на ткань самых различных факторов в их изолированном, чистом виде. Это совершенно невозможно при изучении рака в живом организме, где одновременно происходит множество сложнейших физиологических, биохимических и иных процессов.

Круг вопросов, которые можно изучать при помощи метода эксплантации, чрезвычайно широк.

Первое место среди них занимает вопрос о том, обратим или необратим процесс превращения нормальной ткани в злокачественную опухоль, т. е., иначе говоря, может ли при каких-либо условиях больная ткань превратиться снова в нормальную.

До сих пор считалось, что процесс этот необратим, что нормальная клетка, приобретя свойства злокачественной, уже не может стать нормальной. Она теряет способность созревать и диференцироваться (т. е. в ней не могут вырабатываться, как во всякой здоровой клетке, структурные особенности, свойственные клеткам определенной ткани организма). Она может только бесконечно разрастаться и размножаться.

И вот А. Д. Тимофеевский впервые установил, что культивируемая вне организма опухолевая клетка может вновь обрести свои нормальные свойства; она может перестать усиленно размножаться, начать диференцироваться и созревать. Значит, в принципе злокачественная опухоль излечима!

Разумеется, опыты над микроскопическими кусочками живой ткани вне организма еще не дают указаний, как лечить опухоль в организме, но они направляют исследовательскую мысль по верному пути, помогают искать факторы, которые могут лишить опухоль ее злокачественных свойств.

Злокачественные опухоли образуются из самых различных тканей. Но так как клетки опухоли не диференцированы, то бывает невозможно определить, из какой именно ткани она произошла.

И вот тут метод тканевых культур открывает совершенно новые возможности. Помещенные в специальные условия клетки опухолевой ткани начинают диференцироваться и приобретают характер именно той ткани, из которой произошли.

Пользуясь методом эксплантации, Александр Дмитриевич Тимофеевский и его ближайшие сотрудники произвели ряд точных определений происхождения различных опухолей. Отсюда ясно огромное значение его работ не только для патологии и физиологии, но и для медицины: метод тканевых культур помогает установить точный диагноз ракового заболевания.

Не меньшее значение имеет вопрос о возбудителях рака и саркомы, изучаемый Александром Дмитриевичем при помощи того же метода.

Чем вызывается превращение нормальной клетки в патологическую, раковую? Обязательно ли проникновение в нее так называемого фильтрующегося вируса (чрезвычайно малого инфекционного возбудителя, проходящего через всякий фильтр) или же возможно возникновение рака под влиянием только известных химических канцерогенных (порождающих рак) веществ? Это — один из наиболее дискуссионных вопросов в современной онкологии. И осложняется он тем, что сама природа фильтрующегося вируса, который является, по мнению некоторых ученых, возбудителем рака, проблематична: еще не решено — существо это или вещество?

Большое место в работах Александра Дмитриевича и его сотрудников занимают исследования реакции разнообразных видов опухолевых тканей на рентгеновские лучи. Эти исследования показывают, что действие рентгена на различные опухоли очень различно: есть весьма рентгеночувствительные ткани, есть более стойкие к воздействию рентгеновских лучей.

В области изучения действия рентгена на кусочки опухолевой ткани человека А. Д. Тимофеевский является подлинным пионером и новатором.

* * *

Перед нами — «святая святых» Киевского института клинической физиологии им. Богомольца. Это угловая, очень светлая комната, вдоль стен которой расположены шесть «боксов» — маленьких, изолированных стеклянными перегородками индивидуальных рабочих мест. Здесь выдерживается режим операционной: сотрудник входит в свой бокс в стерильном халате, тщательно продезинфицировав руки. На белоснежном столе перед исследователем — маленькие герметически закрытые «чашечки Карреля», в которых в питательной жидкости живут и растут на крошечных тончайших слюдяных пластинках кусочки ткани человеческого организма. Обычно эти чашечки с тканевыми культурами сохраняются в термостате, в определенных температурных условиях. Сюда, в бокс, их переносят для пересадки и других манипуляций. Периодически пересаживаемая ткань живет очень долго вне организма—до трех с половиной лет.

Нетороплив и строго размерен ритм этой удивительной работы, каждый элемент которой требует виртуозного мастерства и непогрешимой точности. Попробуйте-ка извлечь из чашечки Карреля эту почти микроскопическую пластинку, не нарушив живой ткани, которая разрослась на ней, но представляется невооруженному глазу только туманным пятнышком около сантиметра в диаметре! Попробуйте, например, разрезать эту ткань на четыре части и перенести каждую из них в новую питательную среду с тем, чтобы одна из них служила «контрольной», а другие подверглись действию исследуемого фактора — рентгеновых лучей, если это опухолевая ткань, или канцерогенных веществ, если это здоровая ткань, и т. п.

А затем вооружитесь терпением: не скоро протекают все эти процессы; недели и месяцы пройдут, прежде чем волнующий вас вопрос получит в какой-то мере разрешение.

Почти сорок лет работает Александр Дмитриевич над тканевыми культурами. Его научные интересы определились с первых лет его университетской жизни. Еще будучи студентом медицинского факультета Томского университета, он уже занимался самостоятельными исследованиями в области тканевых культур.

Александр Дмитриевич проводит целые дни с раннего утра в лаборатории, работая рядом со своими помощниками. Умение воплотить свой общий научный замысел в четко разработанный план, организовать работу, воспитать опытных помощников — вот драгоценные качества советского ученого. Ими в полной мере обладает Александр Дмитриевич.

Уважением и заботой окружает советская страна этого большого ученого-новатора, преданного патриота социалистической Родины. Александр Дмитриевич Тимофеевский — заслуженный деятель науки УССР, действительный член Академии медицинских наук СССР, член-корреспондент Академии наук УССР. Он ведет исследовательскую работу в двух родственных институтах: Киевском институте экспериментальной биологии и патологии и в Институте клинической физиологии им. Богомольца.

Все, кто знает лично Александра Дмитриевича, называют его обаятельным человеком. Его обаяние в его человечности и простоте, в большом, ясном уме и творческой одаренности.

Именно эти черты снискали Александру Дмитриевичу любовь окружающих. И они же обеспечивают ему глубочайшее уважение и любовь всей нашей страны, ибо во имя больших идеалов, за жизнь миллионов отдает он науке свои силы.

Памятник В. Г. Белинскому — работы скульптора Е. Вучетича — будет установлен в Москве на Трубной площади в начале Цветного бульвара.

Памяти А. М. Горького

18 июня, в день двенадцатой годовщины со дня смерти Алексея Максимовича Горького, Институт мировой литературы Академии наук СССР, носящий имя писателя, устраивает торжественное заседание, посвященное его памяти.

С докладом «Горький-романист» выступит кандидат филологических наук Н. Белкина. «Наследие Горького и современная зарубежная литература» — тема доклада доктора филологических наук Т. Мотылевой.

Заседание состоится в Центральном доме литераторов.

Старинные планы Москвы

Недавно в книжный магазин номер 35, что на Арбате, женщина, не пожелавшая себя назвать, принесла небольшой сверток. Это был картонный футляр с двадцатью аккуратно переплетенными папками. В папках оказались складные рукописные планы девятнадцати частей (районов) Москвы. На каждом плане пояснения:

«Прикрытые красною краскою означают каменные строения, уцелевшие от пожара».

«Прикрытые тушью означают каменные строения обгоревшие».

«Цифры 1, 2, 3, 4 обозначают число этажей».

«Под литерою П каменные строения поправленные».

«Под литерою В каменные строения ветхие к поправе неудобные».

Даже для непосвященного человека, при первом взгляде на план любого района, становится ясно, что это — карта Москвы, составленная после нашествия Наполеона. Пояснения к этому уникальному документу свидетельствуют о том, что из 8696 строений города от пожара погибло 5620 домов, не считая церквей и монастырей. До сих пор же считалось, что пожар уничтожил около шести с половиной тысяч строений.

Кем и когда был составлен этот скрупулезный труд? На планах, как и на папках, не обнаружено ни имени автора, ни даты.

Один из крупнейших специалистов по истории Москвы архитектор Н. Виноградов утверждает, что эти планы, приобретенные Государственным музеем русской архитектуры, составлены не частным лицом, а «Комиссией для строения Москвы», образованной правительством с целью восстановления старой русской столицы после изгнания французов. Доказательством служит, в частности, то, что в папках нет плана Кремля, который в то время входил в число дворцовых сооружений и не был подведомственен «Комиссии строения».

Н. Виноградов относит составление планов к 1813—1815 годам. Это предположение основано на сопоставлении документа с уже известными датами постройки крупнейших московских зданий. Так, на плане «Тверской части» отсутствует здание Манежа, построенного, как известно, в 1817 году. На плане Пречистенской части не обозначен дом № 12, принадлежавший Хрущеву и строившийся с 1816 по 1820 год.

Вновь найденные планы позволяют разрешить ряд доселе неясных вопросов. В бывшей Басманной части (нынешнем Баумանском районе) находится выстроенный Казаковым Демидовский дворец, занятый сейчас Московским институтом геодезии. В трех комнатах этого здания сохранилась отделка из позолоченного резного дерева. Принадлежит ли орнамент Казакову или является более поздним наслоением, появившимся при реставрации дома после пожара? Сейчас есть все основания полагать, что это — оригинальный казаковский орнамент, так как из плана ясно видно, что Демидовский дворец от пожара не пострадал.

Специалисты, изучающие обнаруженные планы, выражают сожаление, что бывшая их обладательница осталась неизвестной: возможно, в ее распоряжении есть и другие документы, относящиеся к истории Москвы, которые могли бы послужить ключом ко многим загадкам древней русской столицы.

Неизвестная пьеса о Петре Первом

В рукописном отделе библиотеки Академии наук СССР (Ленинград) доктор филологических наук профессор С. Щеглова обнаружила текст неизвестной пьесы, написанной на смерть Петра I. В пьесе: пролог, семь явлений и эпилог. Стихотворный текст в ней чередуется с прозаическим.

Найденная пьеса была поставлена впервые в декабре 1725 года, вскоре после смерти Петра I, на сцене организованного «лекарскими учениками» театра при «Московском гошпитале». Эта пьеса дает широкую характеристику всей деятельности великого преобразователя России. В центре внимания автора — военные успехи Петра. В последних «явлениях» показано прощание России с Петром.

Научное исследование обнаруженной рукописи, сравнение ее с поставленной ранее «Гошпитальным театром» пьесой «Слава Российская» дают основание предполагать, что автором найденной драмы был ученик хирургии Федор Журовский.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Ленинград.** Вышел в свет первый том «Трудов института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина». Большой интерес представляют впервые публикуемые материалы о творчестве замечательного зодчего Баженова, в том числе его докладная записка о постройке Кремлевского дворца в Москве, а также материалы из архива И. Е. Репина по вопросам педагогики.

◆ **Одесса.** Около 200 инженеров предприятий города готовятся без отрыва от производства к защите диссертаций на соискание ученой степени. 50 из них сдали кандидатский минимум.

◆ **Ашхабад.** Ашхабадская киностудия приступила к с'емке киноочерка о туркменских нефтяниках — «Богатства черных песков». Зрители увидят на экране самый молодой город республики — Небит-Даг.

◆ **Таллин.** Декада книги началась в Советской Эстонии. В связи с этим в Таллинском Доме искусств открылась выставка печатных изданий республики. Специальный раздел знакомит посетителей с техникой печатного дела. Писатели Эстонии на встречах с читателями рассказывают о своих творческих планах. Цель декады — учесть запросы читателей, продвинуть книгу в деревню.

◆ **Фрунзе.** Закончен перевод на русский язык антологии киргизской литературы с древнейших времен до наших дней. Об'ем антологии—40 печатных листов.

◆ **Петрозаводск.** Преподаватель Карело-Финского учительского института тов. Теплинский обнаружил в Центральном государственном архиве республики не опубликованные ранее заметки и письма поэта Г. Державина. Они датированы 1784—1785 годами, когда Державин, проживая в Петрозаводске, был олонецким губернатором.

◆ **Харьков.** База Книгкультторга скомплектовала 1000 посылок-библиотечек для колхозов. Каждая библиотечка состоит из 174 книг и содержит последние издания политической, сельскохозяйственной, научно-популярной и художественной литературы.

◆ **Правдинск.** На крупнейших бумажных предприятиях страны — Балахнинском и Камском комбинатах и на Ленинградской фабрике имени Горького внедрена в производство жидкая древесная масса вместо густой. Бумага, выработанная из нее, отличается высокими полиграфическими качествами: она прочна и имеет гладкую поверхность.

Вертикальное озеленение

Когда строители, архитекторы или агрономы-цветоводы говорят о вертикальном озеленении — разведении вьющихся растений, дополняющих своей зеленью архитектурное украшение зданий, они вспоминают Спиридоновку, Арбат или теперешнюю улицу Воровского с ее особняками, стены которых были сплошь покрыты зеленью. Гирлянды дикого винограда, хмеля поднимались до самых крыш. Вьющаяся зелень оплетала балконы, карнизы, окна. Вспоминается и Казанский вокзал, на перроне которого каждое лето устраивалась очень красивая арка из вьющейся глицинии.

После революции облик Москвы резко изменился. Появились новые, прекрасные дома, большие скверы, а про вертикальное озеленение забыли. Многие считали, что климат Москвы для вьющихся растений слишком суров.

В защиту вертикального озеленения выступила инициативная группа ученых. В 1946 году художник-архитектор М. Коржев, архитектор М. Прохорова, доктор биологических наук Н. Базилевская, инженеры С. Матвеев и В. Прясин написали об'емистый труд, в котором дали научное обоснование и практическую разработку очень интересного и своеобразного озеленения советской столицы.

Прежде всего они доказали, что для вертикального озеленения Москвы можно использовать 55 видов вьющихся растений.

Инициативная группа предложила архитекторам при проектировании новых зданий учесть богатейшие декоративные возможности вертикального озеленения. Была разработана технология крепления клетей, сеток и шнуров, по которым можно доводить рост вьющихся растений до третьего этажа, выработаны различные варианты зеленого украшения балконов, уличных фонарных столбов, трамвайных и троллейбусных мачт.

Однако, разведением посадочного материала до сих пор никто не занимался. В нынешнем году впервые управление зеленого строительства Моссовета взялось за это дело всерьез.

Как сообщил представителю «Литературной газеты» главный инженер управления Зеленстроя тов. П. Сегеда, цветочные хозяйства города готовят для высадки в июне сто тысяч саженцев и рассады вьющихся растений: японского хмеля, декоративных бобов, настурций, ипомеи и др.

Дело Архитектурного управления столицы решить, какие здания нуждаются в украшении зеленью, какие стены, — вроде голых торцовых стен на Пушкинской площади, — виадуки или набережные должны быть озеленены в первую очередь.

МЖС

Правительство Казахской ССР—крупнейшей в нашей стране республики животноводства—вошло с ходатайством в правительство Советского Союза об организации МЖС — машинно-животноводческих станций. Эти станции должны сыграть в разрешении животноводческой проблемы такую же огромную роль, какая возложена на машинно-тракторные станции в борьбе за хлеб и технические культуры.

По постановлению февральского Пленума ЦК ВКП(б), уже к концу 1948 года должен быть превзойден довоенный уровень поголовья крупного рогатого скота, овец и коз. Такие высокие темпы роста животноводства невозможны без оснащения колхозов и совхозов высокой техникой. Как сообщили корреспонденту «Литературной газеты» в Министерстве сельского хозяйства СССР, механизация животноводческих ферм сократит количество работников животноводства в два-три раза.

Какие производственные процессы животноводства могут быть механизированы?

Ответ на этот вопрос дает большая выставка машин и оборудования, открытая на-днях по инициативе Московского областного комитета ВКП(б) и исполкома Московского областного совета депутатов трудящихся в подмосковном поселке Плющево. Устроителем выставки — Всесоюзным институтом механизации и электрификации сельского хозяйства (ВИМЭ)—экспонированы не только современные машины, уже выпускаемые нашей промышленностью, но и машины самого близкого будущего.

В разделе кормодобывания демонстрируются мощные широкозахватные самоходные и усовершенствованные конные сенокосилки. Здесь же — тракторные грабли, оставляющие за собой чистую полосу, без малого равную ширине Невского проспекта. На площадке мы видим комбайны для уборки кормовых корнеплодов, половособиратель, приспособленный к самоходному зерновому комбайну, крановый стогометатель, идущий на смену архаическим деревянным вилам, и другие машины.

Большой раздел выставки занимают молочные машины — от миниатюрного сепаратора, предназначенного для обработки молока в личном хозяйстве колхозника, до промышленного, могущего переработать 600 литров молока в час. Подолгу стоят посетители перед новой электрической доильной машиной. В сравнении с зарубежными электродоилками, эта машина гораздо эффективнее и совершенно безвредна для коров. Она сокращает потребность в доярках на ферме в два-три раза.

А вот и электрифицированный птичник, в котором круглый год поддерживается постоянная длительность светлого времени суток и имитируется медленное наступление рассвета и сумерок. В условиях этого искусственно созданного круглогодового летнего дня куры несутся весь год без перерыва.

Выставка убедительно доказывает преимущества электрострижки овец, дающей четырехкратную экономию рабочей силы. После ручной стрижки на каждой овце остается не менее фунта шерсти — количество, достаточное для того, чтобы связать джемпер. Электроножницы исключают эти потери.

Стенды выставки свидетельствуют об огромном значении электричества в механизации производственных процессов животноводческих хозяйств. Роль этой движущей силы продемонстрирована в разделе колхозной энергетики. Тут экспонированы установки для сельских гидроэлектростанций, газогенераторы, работающие на самых разнообразных видах местного топлива, вплоть до торфа, только что извлеченного из болота, нефтяные двигатели, ветросиловые установки, превращающие даровую энергию ветра в электрический ток.

Электрификация облегчает труд колхозника и экономит время. Для подвозки воды лошадьми к помещению молочно-товарной фермы на сто голов скота и последующей разноски ее по стойлам вручную затрачивается почти 5,5 часа, а электрический насос выполняет всю эту работу за 7,5 минуты.

Чрезвычайно интересно показана на выставке механизация водоснабжения колхозных ферм. Всеобщее внимание привлекает гидравлический таран (модель 1947 года). Это водопод'емник, теория которого создана еще в 1901 году «отцом русской авиации» профессором Н. Е. Жуковским. Он действует без двигателя. Его работа основана на принципе гидравлического удара. Гидротаран подает по трубам воду на высоту до 80 метров, используя энергию удара воды, падающей с высоты 1—2 метров.

Весьма эффективна автоматическая безбашенная электроводокачка. Применение ее в колхозе или совхозе устраняет необходимость сооружения дорогостоящей водонапорной башни. Работа водокачки регулируется автоматически, поэтому постоянное присутствие обслуживающего персонала излишне. Механизация водоснабжения на фермах сокращает потребность в рабочей силе в 5—10 раз.

Колхозы уже приобретают многие машины и установки для механизации производственных процессов на своих молочно-товарных фермах. Организация машинно-животноводческих станций может ускорить перевооружение общественного животноводства новейшей техникой.

Евгений ВОРОБЬЕВ

После новоселья

Мне довелось побывать в доме № 94 по улице Стачек в Ленинграде, когда в его стенах еще хозяйничали штукатуры и плотники; в квартирах, высушивая стены, гулял вечный и неутомимый сквозняк; в лестничной клетке, на месте будущего лифта, ходила бадья с известковым раствором, а кровельщики заново крыли крышу, от которой остались жестяные лохмотья.

Этот огромный шестиэтажный дом на улице Стачек не успели достроить до войны. Дом оказался на переднем крае, вблизи линии фронта. Пробоины в стенах и кровля, изрешеченная осколками, хранили память о днях войны. Дом еще не узнал тепла и запахов человеческого жилья, как уже едва не был разрушен.

Потом вновь пришли строители, чтобы закончить работу, которую не успели сделать накануне войны.

Я познакомился тогда со строителями, которые самоотверженным трудом возвращали к жизни недостроенный дом. Только что демобилизовался из армии прораб участка Иван Ильич Марков, изобретатель и новатор, человек, убежденный в том, что штукатуры в недалеком будущем будут работать в белых фартуках. Штукатуры Арсений Талызин, Валентина Ярославцева и Татьяна Смирнова, столяры Павел Филиппов и Владимир Гойко возглавляли лучшие бригады строителей. Среди строителей были вчерашние саперы, подобно Маркову или Талызину, девушки — бойцы противопожарной обороны, недавние домохозяйки.

Я написал тогда рассказ «Эта сторона улицы», посвященный недавнему саперу. Четыре года он разрушал или строил наспех, строил времянки и «поденки», вынужденный к тому требованиями фронта; строил, например, мост с тем, чтобы назавтра взорвать этот же самый мост своими руками; строил землянки, блиндажи, которые бросали прежде, чем успевали обжить. И вот человек, истосковавшийся по настоящей работе, впервые строит на долгие годы, в полную меру своего умения. Для сапера в этом есть своя особая романтика, своя радость...

Многих старых знакомых я нашел на строительных лесах, которые все гуще разрастаются за бывшей Нарвской заставой. Иван Ильич показал мне чертежи изобретенного им «растворомета» для штукатурных работ. Иные бригадиры стали прорабами, уступив свое место бывшим подсобным рабочим.

Захотелось повидать еще одного старого знакомого — дом № 94 по улице Стачек. Интересно, как там устроились на новоселье?

Дом встретил меня общарпанным кирпичным фасадом, не дождавшимся штукатуров и маляров.

Площадка вокруг дома до сих пор не приведена в порядок и походит на свалку строительного мусора. Ни единого деревца. Ни малейшего намека на тротуар. Канализационные люки без крышек, и поневоле становится боязно за детей, которые бегают тут же.

Я твердо уверен, что стою у того самого дома, но глаза невольно, как бы не доверяя памяти, ищут номерной знак. Его нет. Небрежность или скрытность управдома?

Шесть под'ездов, шесть этажей. На каждую лестничную площадку выходят три двери. Первый этаж не в счет, в помещениях магазинов временно живут строители. Итого — 90 квартир, а в каждой квартире — одно или несколько семейств.

Дом заселен рабочими Кировского завода. Здесь можно найти людей разных профессий — от начальника цеха до кузнеца. В жилищном отделе завода мне дали интересные сведения о новоселах. Одни получили кров после фронта, другие—после неприютной жизни в эвакуации. Есть и вчерашние жильцы общежитий, темных и проходных углов, есть обитатели землянок, выраставших на месте разрушенных немцами домов; есть молодожены, которые впервые стали с'емщиками комнат.

У шестого под'езда я встретил строительного мастера Копейкина, тоже старого знакомого, и мы вдвоем отправились в путешествие по квартирам.

Повсеместно в квартирах, где только недавно справили новоселье и еще не успели обжиться как следует, я увидел приметы жизненного благополучия. Во всем сквозит счастливая уверенность людей в завтрашнем дне.

Но почти в каждой квартире я услышал множество справедливых нареканий, упреков, претензий по адресу строителей.

Первая квартира, в которую я постучался, — № 77. Квартира была бы совсем хороша, если бы здесь не обнаружились следы нерях и недотеп. В полах большие щели. Ванная не установлена. Дверь в комнату инженера Киреевой плохо закрывается. Крышка мусороприемника в кухне не укреплена. В уборной течет с потолка.

— Наверно, наверху, в квартире № 80, наводнение, — предполагает Копейкин.

Звоню в квартиру № 80. Тишина. Стучусь. На стук открывает Федор Владимирович Райпес, начальник отдела технического контроля турбинного цеха.

— Почему звонок не работает?—удивляется он моему вопросу. — Не поставили. И счетчика не поставили. И электрических пробок не было, когда в'ехали.

На крашеном полу передней отпечатаны чьи-то ступни.

— Только не подумайте, что это мы грязь развели,—перехватывает мой взгляд квартирохозяин. — Строители наследили. А цемент от краски не отмывается.

На-днях в квартире сменили дверной замок. То же самое сделали соседи. Дело в том, что все 90 квартир дома можно открыть ключами четырех стандартов. А если подпилить бородку ключа, то им можно будет открыть весь дом.

Жильцы квартиры № 77 напрасно подозревают своих соседей сверху в небрежности. Вода из уборной льет сама по себе, и жильцы пользуются уборной соседней квартиры. Бачки для уборных именуются «Эврика», что в переводе с греческого значит «я нашел». Это восклицание приписывается Архимеду, открывшему основной закон гидростатики, но оно знаменует всякое открытие. И вот висят на стенах ржавые чугунные уроды с крышками, не прикрепленными к бачкам, с плохо работающими шаровыми кранами и золотниками. Про такой золотник никак не скажешь, что он мал да дорог. Ржавые пятна стекают по стене, и почему-то не хочется, взирая на эти чугунолитейные изделия, воскликнуть «эврика»!

Подымаюсь на шестой этаж. Потолки квартиры № 90 покрыты мраморными пятнами сырости. Плохо изолированы расширительные баки центрального отопления, находящиеся на чердаках. Не пора ли, кстати говоря, и нашим архитекторам подумать о жильцах верхних этажей новых домов? То эти жильцы изнывают от тропической жары, то у них над головами, отравляя существование, гудит под'емник лифта.

Уже спускаясь по лестнице, я встретил старшего кочегара дома Кириллова.

— А правда, что зимой дом прескверно отапливался?

— Сущая правда. Выше 12 градусов температура не поднималась. Мала поверхность нагрева котлов.

Дом в течение многих месяцев испытывал перебои с электрическим светом. Трансформатор не был включен. Дом жил на времянках и «жучках». И сейчас еще в нескольких квартирах сидят без электрического освещения.

Владельцы комнат с балконами страдают от сырости. Фасад дома не оштукатурен. А без фасадных работ нельзя навесить и водосточных труб, нельзя забетонировать балконы и козырьки над под'ездами.

Еще пять под'ездов, еще пять экскурсий по этажам. И все те же упреки по адресу строителей.

До сих пор в большинстве квартир не установлены ванны, хотя они получены. А ведь каждая ванная, по утверждению Маяковского, «удобней, чем земля обетованная». Дом лишен горячей воды только потому, что на Кировском заводе никак не соберутся изготовить бойлерную установку — весьма нехитрый бак со змеевиком внутри его. А пока краны для горячей воды ржавеют от безделья.

Когда я выхожу, наконец, из последнего под'езда во двор, меня встречает вечерняя темнота. Но под'езды внизу не освещены лампочками, нет и фонаря вблизи дома. Как будто на этом дворе еще не отменено затемнение.

Дом № 94 отлично виден из кабинета управляющего трестом Ленкировтракторострой тов. Гришманова, дом виден и из кабинета главного инженера треста тов. Райс, но он не привлекает к себе их начальственного внимания.

В тресте смотрят на дом № 94, как на жилоб'ект, который построен. Где-то в отчетах треста уже промелькнули эти три тысячи восемьсот квадратных метров жилплощади. Стоит ли тревожиться о недоделках?..

Строителям дома № 94 полезно напомнить, что это не только «жилоб'ект», насчитывающий три тысячи восемьсот квадратных метров жилой площади, но это дом, в котором живут восемьсот пятнадцать человек, дом, в котором спят, умываются, стряпают, иногда танцуют, открывают форточки во время утренней радиогимнастики, ходят в раздумье из угла в угол.

И вот тут-то у строителей следует потребовать ответа. Почему не всякую открытую форточку легко закрыть? Почему ванные не работают? Почему нет горячей воды? Почему иные половицы настолько покороблены, что по ним нельзя ступать (квартира № 10, комната лекальщика Васильева)? Почему владельцев комнат с балконами жалеют все соседи?

Дом № 94 по улице Стачек очутился на «ничейной» земле, между двумя рядами колючей бюрократической проволоки.

Между прочим, номер, который я безуспешно искал на стене дома, уже четыре месяца лежит в кладовой. Но вешать его не разрешают, поскольку дом недостроен.

Предположим теперь на минуту, что дома без номера мы не нашли и решили разыскать своих знакомых с помощью адресного стола. И опять мы ничего не узнали бы, потому что дом № 94 не имеет даже домовой книги и жильцы шести десятков квартир в нем не прописаны.

Строители считают, что дом заселен, они не обязаны о нем заботиться. А завод полагает, что пока дом не принят Госстройконтролем, за него должны полностью отвечать строители.

«Закончен в основном»! Как дорого обходится эта маленькая, но противная оговорка. «Недоделка»! Как часто еще звучит в словаре наших строителей это скользкое, не внушающее к себе доверия слово!

Я побывал на новоселье в одной из квартир. Праздник свел три семьи за одним столом в комнате мастера кузнечного дела Ивана Тимофеевича, его комната была побольше.

Когда-то Иван Тимофеевич жил с семьей в деревянном домике, снесенном ветром войны. Множество почерневших от времени и копоти престарелых домиков с покосившимися крылечками, с воротами на подпорках, с крышами, одетыми набекрень, теснилось тогда вокруг завода, доживая свой век.

В новом доме Иван Тимофеевич поселился на шестом этаже и в первые дни подолгу простаивал у окна своей комнаты, выходящей на юг, или у окна кухни, откуда виднелся родной завод, а за ним гранитная башня Дома Советов и упряжка коней на триумфальных Нарвских воротах...

За праздничный стол все сели с опозданием, потому что хозяйка, пунцовая от смущения и кухонного жара, опоздала с пирогами. Выяснилось, что духовка в кухонной плите печь пирогов не умеет, и пришлось бежать с пирогами в соседний корпус, к знакомым.

Но когда сели за стол и Иван Тимофеевич по праву старшего поднял бокал и провозгласил тост, все захлопали в ладоши, даже занавеси задрожали на окне. И сразу большая радость по праву заняла свое место за столом. Пили и за строителей этого дома.

Потом за столом пели песни, и я еще подумал тогда: «Не подоспели песни! Люди справляют новоселье, столько встреч и свиданий принес с собой день Победы, а поем—«Прощай, любимый город», «Мы простимся с тобой у порога», «Платком махнула у ворот».

Распахнули дверь на будущий балкон, и влажный ветер Балтики ворвался в комнату. Хозяин, не опуская указательного пальца, представил мне, как своих старых знакомых, трубы окрестных фабрик и заводов. Порывистый ветер вырывал дымы из труб, круто сносил их в одну сторону, и от этого во всем пейзаже появлялось какое-то деловитое согласие.

Однако, в квартире были дети, и поэтому дверь, ведущую никуда, пришлось тут же закрыть.

«Недоделка» явилась и на новоселье, как непрошенная и нахальная гостья. И хотя хозяева, люди тактичные, делали вид, что ее не замечают, — она то и дело вмешивалась в квартирную жизнь.

По свидетельству поэта, «увы, одной слезы довольно, чтоб отравить бокал». А в новой квартире достаточно что-то, чуть-чуть, самую малость недостроить, недоделать, чтобы новоселье было омрачено.

В Казани в связи с 12-й годовщиной со дня смерти М. Горького состоялась научная конференция, посвященная великому русскому писателю.

В конференции участвовали ученые и литераторы Москвы и городов Поволжья, где жил и работал А. М. Горький. С воспоминаниями выступила Екатерина Павловна Пешкова, тепло встреченная участниками конференции.

НА СНИМКЕ: Е. П. Пешкова и писатели Татарии у здания музея Горького, где проходила конференция. Слева направо — М. М. Амиров, С. С. Адгамова, Е. П. Пешкова, Г. Б. Разин и С. Б. Валиди.

Письма читателей

НА МОГИЛЕ ПОЭТА-КРЕСТЬЯНИНА

В столице, на Пятницком кладбище, похоронен поэт И. З. Суриков. Песни Ивана Захаровича Сурикова — крестьянина-самоучки — близки нашему народу. Его произведения пользуются широкой популярностью в нашей стране. Кому из нас неизвестны, например, такие песни, как: «Что шумишь, качаясь, тонкая рябина», «Эх, ты доля, эх, ты доля, доля бедняка», «Ой, дубинушка, ты ухни».

Большой популярностью пользуются стихи поэта: «Зима», «Детство», «Мороз» и другие. Несмотря на большую популярность И. З. Сурикова в народе, могила поэта находится в запущенном состоянии. Она завалена мусором, ее железная ограда пришла в негодность. Дорожек к могиле нет, подойти к ней очень трудно. Краска на памятнике облупилась.

Могилу поэта-крестьянина необходимо привести в порядок.

Ник. КРИКУНОВ

СУДЬБА ОДНОГО КОНКУРСА

В октябре прошлого года Крымское издательство об'явило конкурс на лучший плакат, посвященный выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Я нарисовал и послал проект плаката.

16 ноября газета «Красный Крым» напечатала решение жюри, которое мне присудило вторую премию. С тех пор прошло много месяцев, но плакатов до сих пор никто не издал и денежных премий никто не получил. Несколько раз я писал директору Крымиздата т. Сухань, но он мне не ответил. Невольно задаешь вопрос — зачем же было заставлять работать десятки художников, создавать жюри из представителей партийных и профессиональных организаций Крымской области? Вряд ли художники поверят Крымиздату в следующий раз!

Ив. СУХОРУКОВ

КЕРЧЬ.

ГДЕ ДОСТАТЬ КНИГУ ОБ АВТОМОБИЛЕ?

Мотоцикл и автомобиль все шире входят в наш быт. Вместе с этим возрастает и спрос на книги по устройству и ремонту автомобилей.

Между тем, приобрести в книжных магазинах популярно написанную книгу по этому вопросу чрезвычайно трудно.

В 1933 году была издана книга проф. Чудакова «Автомобиль. Рабочая книга для автомехаников и шоферов», которая переиздавалась только в 1937 году. Вполне понятно, что за 11 лет она стала библиографической редкостью.

Точно так же обстоит дело и со «Справочником шофера», достать который в нашем городе совершенно невозможно.

Не пора ли Машгизу, издававшему ранее пособия по устройству и эксплоатации автомобилей, снова заняться этим нужным и полезным делом?

Н. ЛЫКОВ

ПРЖЕВАЛЬСК

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ШАЛОСТИ

1. СВЕРХ'ЕСТЕСТВЕННАЯ СМЕРТЬ

Может ли человек умереть за 20 лет до своего рождения?

Если верить некоторым литературоведам, — может.

В «Комментариях» Ю. Данилина к X тому полного собрания сочинений Ги де Мопассана (ГИХЛ, 1947 г.) сказано:

«Каролюс Дюран (1837—1817) — французский художник-портретист» (стр. 371).

1837—1817—это значит: родился в 1837 году, умер в 1817 году.

Умереть за 20 лет до своего рождения.. Какая ужасная смерть!..

На титульном листе, после заглавия, этого тома указано: «Перевод Н. И. Соколовой. Редакция Валентины Дынник».

Редактор А. Рудковская.

Кто же из них виновен в сверх'естественной смерти художника Дюрана?..

2. СОВЕТ ИЛИ СОНЕТ?

В том же X томе сочинений Мопассана имеется еще один «перл». На стр. 240, в очерке «Ночь», если верить переводчику Г. А. Рачинскому и двум указанным выше редакторам, Мопассан говорит:

«Мне припомнился совет... Бодлера:»

Затем следует 14 строк сонета Шарля Бодлера. В них нет никакого совета. О том, что именно цитирует Мопассан, достаточно ясно говорит архитектоника этих 14 строк — общеизвестная форма сонета.

Как же могли переводчик и два редактора спутать совет с сонетом?

* *

Спрос на литературу в нашей стране огромный. Советские люди любят книгу. С уважением произносят у нас имена многих советских писателей и литературоведов.

Но советский читатель решительно возражает против любого литературного брака.

Л. АГУФ

ВОРОШИЛОВГРАД.

Школьный инспектор—„учитель учителей"

С тех пор как существуют школы, существуют и лица, их поверяющие, — инспекторы. Общеизвестно, что на этой должности может работать весьма знающий учитель. Его указания должны быть авторитетны, глубоко научны, проникнуты ясным пониманием основных задач нашей школы. Известная формула «инспектор — учитель учителей» лучше всего говорит о характере его обязанностей.

Вся беда в том, что на деле этот работник поставлен в трудные материальные и правовые условия. Начать с того, что инспектор обязан непрерывно посещать школы, иными словами — непрерывно ездить. Он ведет весьма ненормальный образ жизни: ест не во-время, спит где попало, ездит в любую погоду — в метель, в пургу, в дождь.

Как правило, он ходит пешком.

Правда, «Положение об инспекторе» обеспечивает его «пунктом», в котором говорится, что местные советы обязаны предоставить ему транспорт. Однако, времени, которое он тратит на то, чтобы «вытребовать» лошадь, иной раз вполне хватило бы для обследования, по крайней мере, трех школ.

В отличие от учителей, инспекторы не имеют права на получение пенсии, предусмотренной последним постановлением для учителей. Стаж их работы не засчитывается для начисления такой пенсии. В отличие от учителей, сельские инспекторы не освобождаются от сельхозналога, не обеспечиваются коммунальными услугами и т. д. Проработав более 10 лет, они не имеют права на надбавку за выслугу лет, как прочие учителя.

Одним словом, назначение на должность инспектора является для хорошего учителя и директора школы большой неприятностью.

Кто же все-таки работает инспектором?

В большинстве сельских районов — это лицо со средним образованием. Тяжелые условия работы приводят к тому, что среди сельских инспекторов почти нет пожилых и, стало быть, опытных людей!

Из «учителя учителей» он превратился в простого собирателя сводок и донесений. Инспектирование школ постепенно сводится только к форме. Школа, в особенности отдаленная, с нетерпением ждет школьного контролера, который призван оценить ее работу. Вместо него в школу приходит неопытный юнец без знаний, без такта.

Есть, конечно, среди людей этой профессии и много хороших работников. Но их становится все меньше.

На глазах сельских учителей разрушается оправданный практикой институт школьных инспекторов.

Так же неблагополучно и положение с областными инспекторами. Они должны сочетать в своей работе и теорию и практику народного образования. На протяжении десятков лет руководят они работой 1.000 — 1.500 учителей. Так почему же нет среди областных инспекторов лиц с ученой степенью?

Если в других областях ученые, как правило, стремятся проникнуть на производство, изучить и узнать его, то в области просвещения все не так. Кафедры институтов и, в особенности, Академия педагогических наук — это келейные учреждения, отстоящие от школы дальше, чем от Северного полюса. Ученые и научные работники предпочитают отсиживаться в своих «лабораториях», которые являются не чем иным, как удобными кабинетами. В лучшем случае они «собирают материалы», как бы «фотографируют» школьный опыт, не делая попытки его обобщить.

Между тем, именно в деле народного образования на руководящих постах нужны ученые с широким кругозором, с глубокими теоретическими познаниями.

Считаю, что вполне назрел вопрос о том, чтобы руководящие кадры народного образования, начиная от областных инспекторов и выше, комплектовались из состава научных работников.

Нет, конечно, смысла превращать профессора педагогики в учителя начальной школы. Но заведующим облоно должен быть профессор, школьным инспектором может быть доцент, кандидат наук.

Это совершенно закономерно.

И. А. ИОМДИН, инспектор Министерства просвещения Башкирской АССР.

По следам выступлений «Литературной газеты»

В защиту Оли Петровой

Советские люди, советская действительность вносят коренные поправки в старые представления и понятия, считавшиеся извечными и незыблемыми. У нас, например, выходит из употребления слово «сирота». Есть дети, оставшиеся без отца и матери, но у нас не должно и не может быть детей осиротелых, чужих.

Шестилетнюю Олю Петрову постигло горе — умерла мать. Отец оказался черствым и бездушным эгоистом. Но Оля не осиротела, советская семья Ц. З. Новик-Бам стала ее растить и воспитывать. Вздумалось вдруг В. Д. Петрову вернуть дочь к себе, лишить ее заботы и ласки, которые она получила в новой семье, и в этот спор немедленно включились честные и бескорыстные советские люди, знающие историю Оли, — работники детского сада, активисты районного совета, сотрудники органов опеки. А когда писательница Агния Барто написала об этом в «Литературной газете», оказалось, что заботливых друзей и защитников у Оли Петровой еще больше— они во всех концах страны. Радуются ее счастью и волнуются за ее дальнейшую судьбу капитан Дроздов, слушатель академии имени Жуковского, Буровцева из гор. Фрунзе, майор Ярославцев, коллектив жильцов дома № 21 по улице Хмелева в Москве и другие. Много взволнованных писем получила редакция в эти дни:

«Мы хотим выразить свое безграничное возмущение по поводу решения нарсуда о возвращении Оли Петровой «отцу». Разве этого бездушного человека можно назвать словом отец и дать ему ребенка на воспитание!»

«Отдать Олю моральному уроду Петрову было бы преступлением. Пусть Оля живет у настоящих советских людей, которые своей сердечностью и бескорыстием заслужили право называться ее настоящими родителями».

«Передайте мою искреннюю благодарность коммуниста-офицера семье Новик-Бам и всем товарищам, проявившим горячую человеческую заботу о судьбе девочки, — тт. Орловой, Вознесенской, Пнун, Черниловской, Покровской, Долженковой».

«Убедительно просим редакцию сообщить о судьбе Оли Петровой...»

На-днях это дело, привлекшее внимание наших читателей, разбиралось в Московском городском суде.

...Перед судом стоит обозленный человек и резким голосом бросает сердитые фразы. Уже на первые вопросы председателя он затрудняется ответить. Петров не помнит, например, когда Оля родилась, сколько раз он ее вообще видел. Суд помогает ему установить, что свою дочь за пять с половиной лет он видел всего один раз.

— От Загорянки, где вы живете, до Монино, где в детсаду находилась ваша дочь Оля, всего несколько минут езды. Как же вы за пять лет ни разу не собрались хотя бы взглянуть на нее? — спрашивает председатель.

— Я боялся скандалов. Моя новая жена мне сказала: «или я, или она».

— А теперь вы считаете, что ваш жена сумеет заменить ребенку мать?..

Волнуясь, дает показания суду сотрудница детсада тов. Долженкова:

— Девочка так долго готовилась к встрече с отцом. За две недели она говорила об этом ребятам, спорила с ними: узнает она отца или нет. Она говорила, что узнает, потому что дома над ее кроваткой мать повесила его портрет... Мы подошли к даче. Петров работал на огороде. Я рассказала ему, что мать Оли попала в больницу и находится в крайне тяжелом состоянии, девочка ночует в сторожке детсада, на выходные дни ее берут к себе по очереди сотрудники. А теперь сад закрывают на ремонт, многие работники уезжают в отпуск. Петров безразлично меня выслушал, к девочке даже не подошел, не сказал ни единого ласкового слова, даже за ограду забора нас не пустил. Он заявил, что девочку к себе пока не возьмет, ему, дескать, надо кое-что выяснить. С тем мы и ушли. Даже леденца девочке на дорогу не купил.

— Почему же вы не оставили дочь у себя, тов. Петров? Ведь она была в тяжелом положении, — спрашивает Петрова председатель.

— Дача была заперта. Ключ взяла жена и задержалась в городе.

— Вы бы с ней пока погуляли, посидели, наконец, у соседей.

— Я не догадался...

Не «догадывался» Петров заняться судьбой девочки еще восемь месяцев. Только когда он узнал, что мать Оли умерла, что есть формальный повод сберечь вычеты за алименты, он начал хлопоты.

— Нет никаких оснований отдать ребенка в руки жестокого человека, лишенного всяких родительских чувств, — заявила на суде представитель Щербаковского отдела народного образования тов. Черниловская.

Участвовавшая в судебном процессе прокурор тов. А. А. Князева подчеркнула необычайность этого дела. Судебная практика знает мало случаев, когда отец должен был оспаривать у посторонних людей свое право на воспитание собственного ребенка. К счастью, такие, как Петров, составляют в нашем обществе редкое исключение. Разобрав все обстоятельства дела, тов. Князева вынесла заключение, что нет оснований отобрать девочку у Новик-Бам и передать ее Петрову.

Судебная коллегия Московского городского суда по гражданским делам под председательством Е. А. Шварцовской решила Петрову В. Д. в иске о возвращении ребенка отказать и оставить Олю в семье Ц. З. Новик-Бам.

Решение суда вызвало единодушное одобрение присутствующих.

Однако вторая часть решения, в которой горсуд отказал во встречном иске о лишении В. Д. Петрова родительских прав, вызвала оживленный спор: «Как же так? С одной стороны, суд признал, что В. Д. Петров недостоин воспитывать ребенка, а с другой — считает, что его нельзя лишить родительских прав. Разве здесь нет противоречия?»

С таким же вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился в Институт права Академии наук СССР. Научный работник этого института тов. Г. М. Свердлов так сформулировал свою точку зрения:

— Городской суд поступил правильно и в полном соответствии с советским законом, отказав в требовании Петрова вернуть ему дочь. Аморальное, противоречащее представлениям о социалистической нравственности поведение отца исключало возможность передачи ему ребенка. Что касается отказа в лишении Петрова родительских прав, то нам кажется такое решение лишенным должной последовательности, ибо суд уже лишил Петрова одного из самых важных и значительных элементов родительских прав — права воспитания ребенка. Нужно, впрочем, отметить, что вопрос о лишении родительского права, о том, в каких случаях суд должен его применять, в каком порядке, на какой срок, какие влечет это последствия, — недостаточно ясно и четко раз'яснен в действующем законе. Надо пожелать, чтобы в общесоюзных «Основах законодательства о браке и семье», которые сейчас разрабатываются, этому существенному вопросу было уделено надлежащее место.

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция «Литературной газеты», со своей стороны, считает, что, каковы бы ни были «неясности» и «нечеткости» в действующем законе, — советский суд не имел морального основания оставлять священное звание отца за моральным уродом, который вполне по заслугам лишен права на воспитание ребенка. Отец, не воспитывающий и справедливо лишенный права воспитывать ребенка, не может считаться отцом и иметь родительские права.

Рецензия на чайник

Речь идет о самом обыкновенном металлическом чайнике, который сверху снабжен ручкой, а впереди—носиком, причем ручка не обжигает вам пальцы по причине своего хитрого устройства — она деревянная, а носик достаточно широк, чтобы именно сквозь него, а не из-под крышки, лилась горячая вода. Речь идет даже не просто о чайнике, как видите, а о хорошем представителе этого славного, хотя и скромного племени. И я от души рад, что могу посоветовать кому угодно: вам нужен чайник?— выбирайте с клеймом «Артель «Автоштамп», Москва».

Мне его не рекомендовал никто, он мне понравился сразу, как только я его увидел на полке магазина. Сначала мне понравилось то, что он нарядный, светлый, и вместе с тем нетрудно было догадаться, что чистить его легко: алюминиевая его поверхность была хорошо обработана—без единой пупырышки, без малейшей вмятины или царапины. Затем расположил к себе его, словно специально на мою небольшую семью рассчитанный, литраж: два литра. Крайне понравилось мне также и то, что он стоил много дешевле всех своих куда менее привлекательных соседей на полке. А что меня окончательно подкупило—это его крышка. Во-первых, пуговка на ней была не металлическая, а деревянная — можно не бояться обжечь пальцы. Во-вторых (конечно, в этом тоже не было ничего особенного, но чайник, в отличие, скажем, от эстрадных концертов, может не отличаться оригинальностью), крышка, хотя и плотно прикрывала его, но не упиралась, когда я пробовал ее снимать. В-третьих (и в-последних: это-то и пленило меня окончательно), в крышке не только была пробита дыра для выхода пара, но отверстие это (я не смею повторить: дыра) было сконструировано так разумно, что пар мог вырваться только вбок, не обжигая руки. И я решил, что непременно стану хозяином автоматического чайника.

Я и стал им. Теперь я пью чай из нового чайника на протяжении восьми месяцев, причем он попрежнему будто только что из магазина, и я любуюсь им всякий раз, как сажусь за стол.

На-днях мне довелось побывать в артели «Автоштамп». Это небольшой заводик, который, однако, дает 20 тысяч чайников в месяц, полмиллиона кастрюль в год (основная продукция), а сверх того — еще громадное количество разливных ложек, бидонов, самых дешевых (три с полтиной), хотя хороших при этом мыльниц и т. д. Я обрадовался людям, которые делали такие удобные для меня вещи, как своим старым добрым знакомым. Я познакомился с председателем правления артели — А. А. Серебрянным, на груди которого увидел ленточки двух орденов Отечественной войны и двух почетных солдатских медалей — «За отвагу». Он хочет, чтобы артель выпускала продукцию не худшую, чем во время войны.

— Откуда вам известно, хороша ли была та продукция? Было ли у вас время следить за ней? — я кивнул на колодки его боевых наград.

— Представьте себе, следил. «Автоштамп» выпускал тогда гранаты.

Я познакомился с уборщицей Еренковой, которая недавно премирована за предложение использовать производственные отходы для изготовления игрушечной алюминиевой посуды на радость детям. И со стариком-слесарем Бариновым, который имеет право на пенсию, но с энтузиазмом юноши выдумывает новые усовершенствования в технологии. И с начальником оргплановой группы инженером Милидеевым, ровесником Баринова и ровесником его же по духу. И со многими другими товарищами. Я слышал от каждого:

— Это не предел — 20 тысяч чайников, хотя мы только промкооперативная артель. Погодите, дадим еще больше!

После того как я побывал в артели «Автоштамп», я еще раз зашел в посудно-хозяйственный магазин. Спросил продавца:

— Как идет у вас автоштамповский товар?

— Автоштамповский? Не идет, — бежит. Всегда продан!

...Может быть, правы торгующие организации, когда они избегают рекламировать хорошие изделия, — разрекламируешь, а покупатель еще в претензии будет: где же они в продаже? Но я-то, литератор, волен написать дружелюбную рецензию на хорошую вещь?

— Рецензию? — слышу я удивленные голоса.

Да, рецензию. Об этом говорил еще Маяковский: почему книгу плохих стихов рецензировать обязательно, а чайник, даже если он, в отличие от плохой книжки стихов, хороший чайник, не заслужил рецензии и суждения о нем общественного мнения? Помните:

> Товарищ!
> к вещам
> пером прицепься,
> критикуй поэмы,
> рецензируй басни.
> Но слушай окрик:
> «Даешь
> рецензии
> на произведения
> сапожной и колбасной!»

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Торопливое решение большой задачи

Не так давно в списках лауреатов, получивших Сталинскую премию за прозу, можно было прочесть фамилию молодого украинского писателя А. Гончара. Его роман «Знаменосцы» обратил на себя внимание патриотической страстностью повествования, атмосферой высокой моральной чистоты, окружавшей его героев, своеобразием авторского голоса.

Свидетель и участник беспримерного похода Советской Армии на Дунай и через Альпы, Гончар увидел высокое мужество, духовную зрелость и уверенное достоинство советских воинов, освободивших Европу от ига фашизма.

Романтическая взволнованность повествования, лирические отступления, а порой острый публицистический комментарий автора, самораскрытие героев в диалоге, язык фронтовых сводок, временами вторгавшийся в ткань вещи, — все это придавало «Знаменосцам» свой особый колорит.

Естествен поэтому тот интерес и даже волнение, с которым мы раскрыли новую повесть А. Гончара «Земля гудит».

Писатель поставил перед собой почетную задачу — рассказать о героическом подвиге комсомольцев Полтавы в период немецкой оккупации.

Молодая девушка — Ляля Убийвовк, дочь полтавского врача, стала организатором и руководителем молодежного подполья в городе. Подобно славным краснодонцам, Ляля и ее товарищи совершали отважные дела: распространяли листовки, принимали участие в смелых диверсиях и, подобно краснодонцам, мужественно и бесстрашно встретили смерть.

В своей повести А. Гончар последовательно, шаг за шагом, рассказывает боевую историю организации молодых подпольщиков. Сами события, о которых повествует писатель, настолько волнующи, что судьбы героев книги невольно захватывают читателя. Автору, безусловно, удались отдельные эпизоды, например, сцены в тюрьме. Привлекает поэтичный и вместе с тем жизненно правдивый образ девушки Марийки, прозванной Веснянкой. Радует оптимистическое, жизнеутверждающее звучание книги в целом. Все это делает повесть А. Гончара произведением несомненно нужным, и мы уверены в том, что молодежь будет читать эту книгу с искренней симпатией к подвигу ее героев. Естественно, что «Земля гудит» встретила хороший прием в украинской печати, как одно из первых произведений украинской литературы о героической борьбе комсомола в годы Великой Отечественной войны.

Однако нам кажется, что крайне важно указать молодому писателю на те недостатки, которые есть в его книге, потому что они могут помешать его дальнейшему творческому росту.

По нашему мнению, вторая книга А. Гончара значительно ниже возможностей этого одаренного писателя.

Есть в повести следы торопливости, желание поскорее сделать второй шаг и, что самое главное, губительное для молодого писателя стремление безотказно, как ему кажется, пользоваться суммой готовых приемов, столь удачно найденных в первой книге.

В «Знаменосцах», увлеченные подлинной романтической взволнованностью повествования, мы прощали некоторые издержки литературной манеры Гончара. В новой вещи нет этого единого дыхания. Романтическая приподнятость в ней подчас перестает быть чувством писателя, а становится только его литературной манерой.

В отличие от «Знаменосцев» в повести «Земля гудит» Гончару предстояло восстановить и истолковать события, участником и очевидцем которых он не был. Поэтому мы и не чувствуем в произведении неповторимой достоверности характеров героев. Подвиг полтавских комсомольцев и их ушедшие жизни не зацветают вторично. Мы видим все время перед собой автора, который не столько восстанавливает, сколько описывает и комментирует судьбы и биографии своих героев.

А. Гончар. «Земля гудит», «Знамя» № 4, 1948 г.

М. ПАПАВА

Как правило, метод создания образа у Гончара таков: он дает расширенную биографию героя и затем заставляет его раскрываться во внутреннем монологе, в диалоге. Но здесь эти две составные части не соединяются в единый и трепетный образ, который зажил бы самостоятельно, освободившись от авторской опеки и комментариев. Это в одинаковой степени относится к Ляле Убийвовк, Сергею Ильевскому, Валентину Сороке, Лене Пузанову и Борису Серге.

Подчас первоначальная характеристика героев не совпадает с дальнейшим развитием образа. Вначале Борис и Валентин, пытающиеся неумело снять пулемет с подбитого танка, представляются нам подростками-мальчишками, в дальнейшем автор характеризует их, как взрослых, сложившихся людей. Леня Пузанов—раненый танкист — по своему жизненному и военному опыту, казалось, мог быть одним из руководителей молодежного подполья, однако, ведет он себя крайне необдуманно. Идя лесом с Лялей, он пытается пристрелить двух немецких офицеров, возвращающихся с охоты. Это место нужно для того, чтобы Ляля, которая останавливает его, могла проявить свои качества руководителя. По существу, эта сцена идет в ущерб уже сложившемуся в нашем воображении образу Пузанова.

Сергей Ильевский в начале повести пишет стихи, которые подстать буржуазному поэту-декаденту, а не советскому комсомольцу:

> Ранец возьму на плечи,
> В карман бумаги лист,
> Пойду, неизвестный предтеча,
> В ветреный дикий свист...
>
> Презрев человека и зверя,
> В джунглях построю вигвам,
> В единого бога веря,
> Которого выдумал сам.

Здесь не только какие-то колебания и неуверенность, по существу, это — бегство от жизни, отказ от сопротивления. Однако эта философия нежданно и легко опрокидывается одним появлением Ляли.

Большинство героев повести не живет в ней естественно и свободно, а появляется лишь, как персонажи обособленного драматического этюда.

Большую роль в судьбе молодых подпольщиков играет партизанский отряд Куприяна. Однако на всем протяжении повести читатель по существу не познакомился, не сблизился ни с товарищем Куприяном, ни с его партизанским отрядом. Куприян предстал перед нами только в час гибели. И потому этот хорошо написанный эпизод воспринимается лишь как некий драматический этюд.

Таким же знаком, символом партийного руководства является и образ секретаря подпольного обкома. В свое время партийная критика указала А. Фадееву на то, что он недостаточно показал руководящую и направляющую роль партии в оккупированных районах. Может показаться, что А. Гончар избежал этой ошибки. Но при внимательном чтении выясняется, что это не так, хотя встрече Сергея Ильевского с секретарем обкома и уделено достаточно места. Ильевский узнал секретаря «по энергичной, почти юношеской складке улыбающихся губ, по высокому гладкому лбу, по характерно прищуренным глазам, умным, проникновенным...» Сергей рассказал о деятельности их молодежной группы, и тут произошло самое странное, поразительное для Сергея. Выяснилось, что секретарю все, о чем он рассказывал, давно уже известно. Он знал такие подробности их деятельности, о которых, казалось, никто не мог знать...» Но беда заключается в том, что это открытие так же ошеломляюще действует и на читателя,—потому что до сих пор он не был свидетелем никаких связей молодежи с партией.

Вся эта сцена явно недостаточна для раскрытия столь значительной и важной темы, как партийное руководство молодежным подпольем.

Вот выдержка из разговора двух молодых подпольщиков — Сергея Ильевского и Ляли:

Сергей. Я дам тебе почитать одну книгу...

Ляля. Что за книга?

Сергей. О Чингиз-хане. Я обратил внимание на то, что покоренные им народы буквально вымирали, парализовались духовно, чувствовали себя обреченными на вечное рабство.

Ляля. Это очень интересно. Над этим стоит подумать, Сережка. Потому, что если с нами, с нашими людьми ничего подобного не случилось, то здесь, значит, действует какая-то противоборствующая сила, гигантская сила... Все живут, наставив уши на Восток: не гудит ли? Не приближается ли? Словно там все время действует какой-то резервуар... Огромный духовный резервуар, и его освежающее дыхание сильными потоками доносится и сюда...

Сергей. Это ты здорово подметила... Вот откуда у наших людей такой оптимизм... Не чувствуется у нас все-таки беспросветного мрака...

Ляля. Как во вселенной, в макрокосмосе: среди безграничной темноты—бесконечные солнца, солнца, солнца! И такие солнца, что оккупантам от них жарко!

Сергей. А кто же мы с тобой, Ляля?

Ляля. Мы пока что маленькие, молодые звезды.

Мы привели столь подробно этот разговор потому, что он в достаточной мере характеризует манеру Гончара в этой вещи. По существу, автор распределяет свои тезисы-мысли между двумя персонажами, навязывая им в то же время и свой метод мышления. В результате вместо простого и искреннего разговора возникает ощущение, что собеседники как бы заранее подготовили и прорепетировали свой диалог.

Ложная поза, в которую поставил автор своих героев, приводит их к некоему самолюбованию. Ляля горделиво называет себя «маленькой звездой». Это не поднимает, а разрушает облик вожака молодого поколения.

В своем желании приподнять происходящие события, Гончар иногда приходит к натяжкам и романтическим несообразностям. Автору удался эпизод, рисующий, как красные звезды советского самолета впервые появляются над оккупированной Полтавой. Но, желая еще больше приподнять эту сцену, он заставляет летчика под обстрелом немецких зениток, рискуя жизнью, проделать фигуры высшего пилотажа. Это нужно, как повод для патетического комментария: «Этот полет был поистине праздником молодого духа, игрой крепнущей силы, залогом будущей победы над Берлином. То был предвестник созревающей победы».

Нас, признаться, тревожит этот заранее обдуманный рациональный романтизм А. Гончара в новой его повести. Нас тревожит и та поспешность в работе автора над книгой, в результате которой многие события выглядят в ней недостаточно художественно убедительными.

Это тревожит и читателя, обычно тонко улавливающего всякую манерность, отсутствие мотивировок тех или иных поступков героев или недостаточную убедительность описаний. Так, читатели «Литературной газеты» тт. Сабсович и Руднев в письмах в редакцию указывают на упрощенность и схематизм отдельных положений и образов в новой повести А. Гончара. Тов. Сабсович считает, что А. Гончар, располагая только основными данными, естественно и законно восполняя пробелы своим воображением, однако, недостаточно осмыслил материал и не «вжился» в него. Так же справедливо он критикует язык перевода повести, упрекает редакцию журнала «Знамя», которая не указала автору на недостатки произведения.

«Мне кажется, — заканчивает тов. Сабсович свое письмо, — А. Гончар должен доработать свою повесть, чтобы вдохнуть в нее душу. Автор «Знаменосцев» может это сделать».

Доверие читателя — большая честь для писателя. Оно обязывает ко многому. И очень жаль, что молодой писатель, заслуженно завоевавший это доверие своей первой книгой, снизил уровень требований к самому себе и второпях выпустил недоработанную вещь.

Письма из Армении

1. О правде жизненной и правде мнимой

Недавно мне довелось побывать в одном из районов Армении—Нор-Баязете. Наша писательская бригада выезжала на весенний сев. С первых же дней общения с колхозниками я все чаще думал о нашей армянской современной литературе.

Один факт больше всего поразил меня—может быть потому, что в нем наиболее полно концентрировалось увиденное.

В селе Кармир расположен колхоз «Спартак». До войны он считался одним из самых отсталых хозяйств, особенно по выращиванию зерновых культур. Государство всегда ссужало ему зерно.

Когда лет десять назад спрашивали колхозника Акопа Джрагацпаняна—почему «спартаковцы» постоянно отстают, почему живут за счет государства, он отвечал:

— Малоземелье у нас, ничего не поделаешь!..

Его поддерживал и Хачатур Вартанян и Сисак Енгоян. А Драстамат Саркисян проклинал своих дедов и прадедов за то, что они когда-то поселились здесь, на этой суровой, каменистой земле.

И вот с колхозом произошло почти невероятное. Уже в годы войны он поднялся так, что не только обеспечивал себя зерном, но и давал для фронта тысячи центнеров пшеницы, ячменя, проса. А его люди—те, что когда-то старались оправдать отсталость артели,—ныне стали Героями Социалистического Труда. Это те же Джрагацпанян, Саркисян, Енгоян, Вартанян и другие—их сейчас семеро в колхозе, и больше двадцати награжденных орденами и медалями.

Акоп Джрагацпанян—звеньевой, Герой Социалистического Труда, собрал в прошлом году по 30,85 центнера пшеницы с гектара. Нынче, не желая остановиться на достигнутом, он обязался добиться урожая в 35 центнеров с гектара.

Кто-то при обсуждении обязательств напомнил ему, как в свое время отставание колхоза он об'яснял малоземельем. Напоминание было сделано в шутку, но Джрагацпанян взволновался, густо покраснел, опустил голову. Он стыдился, что когда-то—вместе с односельчанами—рассуждал так ограниченно, не понимая простой вещи: можно и нужно метр за метром отвоевывать плодородную почву у бесплодных камней.

Насколько всё изменилось в колхозе! Изменился и самый облик людей, их психология и мышление, их отношение к труду! От мелкособственнической психологии армянский крестьянин пришел к ясному сознанию творческой мощи общественного труда.

В какой же мере мы, писатели, знаем этих людей? Образ их мыслей? Процессы их роста и становления в новом качестве?

В армянской советской литературе есть немало произведений, посвященных социалистическому переустройству деревни, колхозному строительству в первые годы коллективизации.

При благотворном влиянии русской советской литературы авторы лучших произведений подымались до больших идейных обобщений, давали интересную психологическую оценку дум и поведения людей в той исторической обстановке. При обобщениях не терялись и национальные наши черты, благодаря чему эти произведения становились подлинно художественными. показывавшими новое именно в армянской деревне.

Потом в разработке колхозной тематики наступило затишье. Только в годы войны и после нее колхозная обновленная тема снова привлекла внимание писателей.

За последние шесть-семь лет появились колхозная повесть С. Паязата «Возлюбленные Кахнута», рассказы Г. Беса, В. Сейраняна, М. Асланяна, Аракса, очерки и рассказы А. Мкртчяна, В. Ананяна и др. В эту пору был завершен роман Н. Заряна «Ацаван».

Перечень имен и произведений с виду говорит о благополучии. Но так ли это на самом деле? Ведь мало того, что произведение посвящено колхозной тематике «вообще». Важно, как отражен в нем сегодняшний день колхоза, как восприняты писателем новые явления и сдвиги, происходящие в деревне.

Можно было ожидать, что и в армянскую литературу хлынет волна подлинно свежих тем, чувств и мыслей, способствующих изображению новых черт в характере советских людей, героев созидательного труда. Подобные произведения,—например, повесть С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды»,—уже появляются в русской литературе.

На первый взгляд создается впечатление, что и наши армянские прозаики в своем творчестве пошли вперед. Они стремились показать грозные испытания, которые победоносно выдержал колхозный строй; пытались нарисовать облик армянок, самоотверженно заменявших в тылу мужей, братьев, сыновей, ушедших на фронт. Конечно, такая направленность и замыслы хороши. Но между замыслами и воплощением образовался разрыв. Теперь все яснее становится, что во многих наших произведениях вместо жизненной правды есть правда мнимая.

Г. Бес — один из тех наших писателей, которые стремятся отражать современную колхозную жизнь, новые черты характера рядовых колхозников. Работа Беса в этой области значительна, и поэтому естественно обратиться прежде всего к ней.

С первого взгляда все в его произведениях как будто значительно и благополучно: изображаются колхозные будни в дни войны, борьба людей за высокий урожай, их мысли и переживания. Но достаточно отвести этот обманчивый внешний покров, как предстанет убожество содержания некоторых рассказов.

Рассказ «Жена» повествует о том, как в родное село возвращается инвалид войны Гурген. Несмотря на несколько лет разлуки, его жена Арпик избегает с ним встречи. Об'яснение, наконец, все же происходит. В финале рассказа выясняется, что Арпик, не имевшая известий о муже, вышла замуж за другого, тоже инвалида войны, и Гурген примиряется с этим.

Как видим, «конфликт» незначителен и банален. Но этого мало. Страшнее, что все помыслы героя сосредоточены на собственном доме и личном благополучии, а жизнь колхоза его не интересует.

В рассказе нет ни слова о том, чем, какими успехами встретили Гургена колхозники в послевоенную пору. Они, озабоченные только личной бедой Гургена, тоже избегают говорить о своей работе.

Герой другого рассказа—старик Гало. В этом образе, действительно, дано немало интересных, оригинальных свойств, характеризующих общие черты сегодняшнего колхозника. Гало—человек государственного склада ума, его интересуют не только дела колхоза. Он считает себя вправе узнать у секретаря райкома и о том, почему отстает местный химкомбинат; он строго укоряет председателя колхоза за неумелое руководство работой; он идет в военкомат с требованием немедленно назначить пенсию жене фронтовика.

Но и этого колхозника мы видим в рассказе, так сказать, «единоличником», ибо он лишен кровной связи с колхозом. Совершенно не сказано, какую роль играет он—как, впрочем, и другие колхозники—в под'еме артельного хозяйства. К тому же образ героя преподнесен «в готовом виде». Меньше было бы причин укорять автора, если б его герой был молодым человеком, выросшим и воспитанным в условиях колхозного строя. Тогда каждый шаг героя можно в какой-то мере об'яснить даже вопреки тому, что многое о нем недосказано. Совершенно иначе дело обстоит с Гало. В его образе интересует именно то, как этот старик поднялся до уровня государственного мышления, как пришел он к социалистическому сознанию? Но ответа на этот вопрос в рассказе нет.

В произведениях наших писателей часто нарушается необходимое соотношение общего и частного. Общее, в лучшем случае, служит только малолюбопытным серым фоном, на котором происходит изображение частного — интимных чувств и поступков героя. А иногда нет даже и фона; автор любуется своим героем, решительно изолируя его от среды, от других людей.

И потом—не слишком ли много стариков! Даже в рассказах военного времени, когда роль стариков действительно возросла, как-то игнорируется роль женщин, юношей, детей, совершавших трудовые подвиги. Я не помню ни одного рассказа армянской прозы, в котором раскрывался бы образ колхозника — коммуниста или комсомольца, наконец, школьника-пионера. Меж тем, жизнь ежедневно и красноречиво указывает на их значительную роль буквально во всем. В селе Апарат, в колхозе «Красный Октябрь», я познакомился, например, с 19-летним звеньевым, который за получение большого урожая удостоен ордена Ленина. А разве это единственный пример?

Наши писатели проходят мимо таких истинно типических явлений.

Некоторые из них и сами чувствуют, что колхозную жизнь, новое в ней, они знают слабо. Но вместо того, чтобы узнать лучше, избирают другой «выход». Одни, как, например, М. Асланян, откровенно и нарочито увлекаются описанием старой дореволюционной армянской деревни. Другие—изображение подлинной сегодняшней действительности подменяют домыслами: колхозной тематикой «обрамляют» старые сентиментальные и идиллические любовные истории. Сколько бы, например, ни было лирики и теплоты в книге Б. Сейраняна «Циранакар», не трудно увидеть, что тут за счет колхозной тематики протаскиваются совершенно не относящиеся к ней печальные и слащавые рассказы об индивидуальных переживаниях неких безликих существ. «Опоздавшие слезы», «Цветущие волны», «Возвращенное детство» — уже одни эти обветшалые заглавия рассказов красноречиво говорят о себе.

Как все это далеко от сегодняшней деревни!.. Грустен вывод, но от него не уйти: немало произведений написали армянские писатели о колхозах, но колхозная современность в ее неустанном росте и обогащении по-настоящему ими пока не раскрыта.

Александр АРАКСМАН

2. Вдали от современности

В Армении, под озером Севан, сооружается первая в Советском Союзе подземная гидроэлектростанция. Там, в глубине земных недр, идет необычное строительство, ставшее университетом новых кадров. Недавние крестьяне, пришедшие сюда, — теперь проходчики, крепильщики, монтажники, бетонщики. Не только новы их профессии, — сама эта работа производится на основе новейшей техники.

Велико значение новостройки под Севаном. По тоннелям, проложенным строителями, пойдет вода, которая оросит на своем пути тысячи гектаров земли. Трудом строителей озерной ГЭС будет преображена жизнь многих районов Армении.

Известно, что древний голубой Севан любим и воспет многими поэтами. Стихи о Севане можно было бы издавать томами. Но вот возникает новый, еще небывалый Севан, совсем не похожий на все то, чем он был в недавнем прошлом. Какое же отражение это находит в литературе сейчас, в наши дни? Парадоксально, но факт: писатели Армении с удивительным, малопонятным «стоицизмом» продолжают воспевать Севан теми же словами, как восемь и десять веков назад, теми же старыми, давно поблекшими эпитетами!

Для А. Граши — Севан все еще только «синий ковш, полный сказочным армянским вином». Для С. Таронци—Севан попрежнему «дар небесный, духовная реликвия, где блуждают бесплотных веков веселые языческие боги». В стихотворении «Севан» он сообщает:

> Кажется мне, шагаю с дедами, —
> Их души мною руководят.

Новый Севан, строительство подземной гидроэлектростанции, видимо, так же близки С. Таронци и А. Граши, как их дедам.

В восьмом номере журнала «Советакан граканутюн ев арвест» за прошлый год напечатано стихотворение А. Граши «Битва мира». Автор как будто задался целью отозваться на темы современности — показать послевоенное строительство.

Стихотворение написано, как разговор двух друзей. Один слышит в ущелье взрывы, они кажутся ему продолжением войны — битвой в окопах. Другой раз'ясняет, что там, в ущелье, закладывают фундаменты новых домов. Оба собеседника обрисованы, как пассивные созерцатели, в самом их разговоре труд мирного времени противопоставляется героическим подвигам военных дней.

Как ни удивительно, некоторых писателей еще влекут сюжеты, давно сданные в архив, темы, поражающе далекие от жизни.

Поэт Г. Сарян проповедует в балладах платоническую любовь, женоненавистничество. Он утверждает, что земная любовь—это сплошные страдания, что счастье доступно только в грезах. Ту же мысль Сарян проводит в балладе «Красавица из слоновой кости»: скульптор Пигмалион, оживив статую, молит ее вновь обратиться в мрамор.

Любовные перипетии и переживания страждущих супружеских пар перепевают Л. Таргюль в «Лунной сонате», А. Марκарян в «Подснежниках». Как ничтожны, мелки ситуации в подобных произведениях по сравнению с материалом и событиями, которые предлагает сегодняшняя жизнь!

Например, неподалеку от Еревана, столицы Армении, на Канакирском плоскогорье раскинулся поселок репатриированных армян. Здесь живут люди, возвратившиеся из изгнания. Они родились там, где турки миллионами вырезали армян. Они вырвались из монархо-фашистской Греции, из трумэновской Америки, где годами изо дня в день терпели жестокое угнетение, издевательства. Их недавние страдания—это обличительный акт против капиталистического мира.

Теперь эти люди, приехав в нашу страну и соединившись со своим народом, познали радость освобождения. Они приобщились к счастью вдохновенного творческого труда, участвуя в выполнении планов послевоенной сталинской пятилетки. Созданы ли писателями рассказы, повести на этом остром, волнующем материале? Нет!

А ведь это лишь один из частных примеров, одна из сторон сегодняшней действительности республики! Известно, как преобразился облик Армении, как она богата замечательными людьми новой советской формации.

Однако, немало армянских писателей все еще пишет и публикует безидейные, малохудожественные произведения, далекие от жизни. Некоторые писатели терпят неудачи, даже пытаясь отозваться на современность, ибо без вдумчивого, действительно глубокого изучения явлений нельзя правильно их изобразить.

В поисках нового, когда это новое воспринимаешь только формально, можно сойти с прямого пути на окольные, подчас заводящие в тупик. Так, например, случилось со мной в рассказе «Голоса моего города», опубликованном в 1946 году. Восторгаясь растущей изо дня в день нашей столицей Ереваном, его стадионами, концертными залами, я не раскрыл сущности социалистической культуры, пришел к урбанизму, к рецидивам декаданса.

Неудача постигла рассказ З. Даряна «Происшествие». В этом рассказе повествуется, как в городе из-за неосторожности шофера едва не погиб мальчик — сын рабочего. Рабочий, бранясь, бросается к машине:

«Подлец, на чьего ребенка ты гонишь машину!.. Я сегодня четыре нормы выполнил, заменяю сразу трех мастеров, за могущество Родины силы и здоровье отдаю, а ты, оставшись в тылу, мешаешь работе... Если ты мужчина, пошел бы на фронт!»

Но шофер оказывается женщиной — женой фронтовика. Все кончается тем, что смущенный рабочий извиняется и прощает водителя. Несомненно, что в этом искусственном и фальшивом рассказе образ героя искажен, советский рабочий представлен хвастливым обывателем.

В армянской литературе последних лет, разумеется, есть и произведения, отражающие действительность, реальную жизнь республики, характер ее людей. Таковы большой роман Н. Заряна о колхозном строительстве «Ацаван», рассказы Р. Кочара «Святая клятва», пьеса Г. Боряна «На высотах», новые стихи Ахавни, новеллы и очерки А. Мкртчяна. Авторы их стали на единственно правильный для советских писателей путь изучения жизни.

Тот же, кто воспевает старые красоты Севана, не замечая его новой жизни, кто не видит живого, вдохновенного лица армянина-стахановца, армянина-ученого, инженера, колхозника, — тот не служит делу развития советской армянской литературы.

Давно уже пора любителям антиквариата и устаревшей экзотики обратиться к жизни, перестать сводить все особенности своей страны, все дела ее людей — к мертвому любованию «голубооким Севаном» и «наирским тополем».

Рафаэл АРАМЯН

И. КАРАБУТЕНКО

Затянувшаяся прогулка

> Он выздоравливал. О доме
> Вздыхал. И чуть не досветла
> Не спал, ощупывал ладони:
> А вдруг отвык от ремесла?!

— таким предстает перед нами герой стихов Глеба Семенова.

Главное, о чем поэт рассказывает в своем первом сборнике, — возвращение с войны в родной Ленинград, в котором уже не затемнены окна, в родной колхоз, где кипит послевоенная работа. Хотя поэт о самом походе говорит скупо, мы успели полюбить его героя на войне.

Молодой воин вернулся в родной Ленинград не надломленным, а бодрым, полным сил. Подкупает его искренняя радость, его большая любовь. Мы проникаемся его привязанностью к загородным холмам и лесам, его лиризмом, влюбленностью в природу; мы охотно пускаемся с ним в странствования и верим, что после восторженных встреч, после прогулок по знакомым и дорогим местам. герой найдет свое место в новом строю — «на Площади труда», что там полностью раскроется его богатый характер, испытанный боями, там получит разрешение тревоживший в госпитале вопрос — «а вдруг отвык от ремесла?!» Но прогулка затянулась. С каждой страницей читатель все больше убеждается в том, что у поэта декларации расходятся с делом. Поэтическая заявка так и осталась невыполненной. Вызвав симпатии к своему герою на войне, деятельному и душевному человеку, автор обедняет его в мирные дни. Право же, трудно поверить в то, что лирический герой поэта, ленинградец, находившийся в грозное время в рядах тех, которые «все умели перенесть» и победили, теперь не может найти себе места в рабочем строю. И, тем не менее, Г. Семенов упорно старается доказать это.

Вокруг кипит работа: «лесами обрастают разрушенья», зенитчики выравнивают «вчерашний пост под завтрашний газон», инженер и сталевар спешат к первому трамваю, «мост занимает свой рабочий пост», даже заря действует по графику. И только герой проходит мимо, лишь любуясь чужим трудом—«не нагляжусь на ловкие движения маляришающего пареньκа».

Когда герою надоедает бродить по городу, он уходит в лесные края. Вначале это радостная встреча после долгой и суровой разлуки, гимн родной природе. Так порой и кажется, что именно тут он найдет свое место. Но очень скоро становится совершенно очевидным другое: и здесь герой Г. Семенова—только сторонний наблюдатель:

> Прошел я по Уралу: видел ели...
> Холмов я видел хмурые прибои...
> И видел человека я повсюду
> Склонившимся в раздумьи над землей...

Но, может быть, в селе пойдет дело по-другому? Тем более, что значительная часть сборника — разделы «Холмы» и «Широкий ветер» — посвящена изображению послевоенного села.

Если в стихах о городе есть восхищение хоть чужим трудом, то в деревенском цикле преобладает любование тишиной («Тишина», «Перед праздником»), неподвижностью. Апогея этот мотив достигает в натуралистически грубоватом «Тракторе».

> Застыв торжественно на взлете,
> Чеканно четкий на заре,
> Огромный трактор на бугре
> Стоял, как памятник работе.
> К земле, как будто, был прижат
> Его колесами закат...

Лирический герой и в этих краях — нездешний странник, проходящий через поля и села. «Пускай я нездешний, пускай я с тобой незнаком, мне долго бродить по земле». Во имя чего он бродит, зачем? На этот вопрос нет ответа во всем сборнике.

Очевидно, этой неопределенностью занятий героя, бесцельностью его движения об'ясняется любовь поэта к «красивости», литературной манерности («крутой разбег берет стена», «и паровоз, убитый наповал»), а иногда и к прямой несообразности:

> А бабы в раздутых полотнах
> Плывут, как в волнах корабли.

В его селе почти все не от жизни, не от живых наблюдений, а от известных, «как песня знакомых», литературных образцов. Почти в каждом стихотворении «пахнет парным молоком», но зато вовсе не пахнет послевоенной колхозной деревней. В стихах царит почерпнутая не из жизни, а из старых стихов застойная патриархальщина: «коровы, как рогатые божки», «самовар ворчит с улыбочкой», «чердак совсем одрях», «в морщинках прежних потолок»; если же поэт упоминает о новых явлениях, то стыдливо, робко, словно с чужого голоса:

> И далеко-далеко, неведомо где,
> Слышен трактора шаг по ночной борозде.
> Богатырские кони советской поры!

Глеб Семенов назвал свой сборник «Свет в окнах». Но в изображении поэта этот свет представляется «всего лишь квартирными огнями», «лампой над уютом». В Ленинграде, который стал застрельщиком выполнения пятилетки в четыре года, есть и другие, более яркие огни и другая, настоящая жизнь. Но она осталась не раскрытой в сборнике.

В книге Семенова есть хорошие стихи, согретые настоящим лиризмом, большой любовью к человеку, к природе родного края. Такова «Площадь труда», «Он вечор лишь пришел домой...» и др. В них сказывается стремление воспеть труд, изучить природу, жизнь.

Наличие этих качеств должно помочь Глебу Семенову отрешиться от созерцательности, включить своего лирического героя в активную жизнь и доказать, что он не только не «отвык от ремесла», но и многому научился на колхозных полях или на новостройках Ленинграда.

Глеб Семенов. «Свет в окнах», стихи. «Советский писатель». 1947. 88 стр.

Лондонская авантюра

С. ВЛАДИМИРОВ

Более 50 дней продолжалось в Лондоне совещание представителей США, Англии, Франции и стран Бенилюкса (Бельгии, Голландии и Люксембурга) по германскому вопросу. Повестка дня включала такие важные проблемы, как роль германской экономики в Европе и вопрос о Рурской области, меры безопасности в отношении Германии, территориальные изменения, репарации и другие. Сами по себе эти вопросы не новы. Они уже не раз были предметом обсуждения Совета министров иностранных дел — единственного органа, который имеет законное право на рассмотрение этих вопросов и принятие по ним решений.

Надо сказать, что на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в 1947 году советская делегация выдвигала значительно более широкие предложения по германской проблеме, охватывающие всю совокупность вопросов и полностью отвечающие интересам не только народов европейских стран, в том числе германского народа, но и интересам миролюбивых наций всего мира.

Однако советские предложения не были приняты потому, что они шли вразрез с намерениями трех остальных партнеров по Лондонской сессии, в первую очередь США, стремившихся к образованию антидемократического западного блока, в котором важнейшую роль играла бы милитаристская Западная Германия. Как известно, Маршалл, при полном содействии со стороны Бевина и Бидо, сорвал работу сессии. И именно в Лондоне Маршалл, Бевин и Бидо тайно договорились о созыве совещания без участия Советского Союза с целью полного пересмотра Потсдамских соглашений.

Открывая «совещание шести», американцы надеялись, что им удастся быстро продиктовать свои условия Англии и Франции. Тем не менее, этим надеждам не суждено было оправдаться ввиду разногласий, которые с самого начала проявились между участниками совещания, несмотря на то, что представители Соединенных Штатов действовали то угрозами, то обещанием долларовой помощи.

Во время первого тура совещания, длившегося с 23 февраля по 6 марта, никаких конкретных решений принято не было. Между участниками совещания была достигнута лишь «принципиальная договоренность по политическим и экономическим вопросам». События последующих дней раскрыли сущность этой «договоренности».

Не успел еще председатель закрыть заседание «шести» в Лондоне, как открылось совещание «пяти» в Брюсселе.

Бевин, Бидо и их подручные из Бенилюкса на брюссельском совещании создали, по требованию американских милитаристов, военный блок, направленный против Советского Союза и стран новой демократии. Этот военный союз рассматривается американцами как дополнение к «плану Маршалла», в котором главное внимание уделяется возрождению военно-промышленного потенциала Западной Германии. Не случайно американцы привлекли к разработке планов восстановления тяжелой промышленности Западной Германии военного преступника Шахта, по мысли американцев и англичан избежавшего участи других гитлеровских главарей, закончивших жизнь на виселице. План Шахта предусматривает, что если оборудование старых немецких заводов в течение 30 месяцев будет обновлено на 80 процентов, то через четыре года промышленность сможет превысить довоенный уровень производства. Шахт рекомендует, чтобы американские поставки оборудования в Германию происходили бы в форме «плана Маршалла», а демонтированное старое оборудование поставлялось бы 16 странам, поддерживающим «план Маршалла», в счет уплаты репараций.

Вскоре после того как брюссельский пакт был подписан, в Лондоне начался второй тур переговоров «шести». Теперь уже ничто не заставляло американскую делегацию скрывать свои истинные цели. Теперь американские представители заявили, что ни о каком международном контроле над производством Рура и речи быть не может: Западная Германия включена в «план Маршалла», и только этим планом, то-есть только самими американцами, будет определяться уровень промышленного производства Рура.

Возмущение французского общественного мнения предложениями американских «друзей» заставило официальных представителей Франции на «совещании шести» в Лондоне разыграть жалкую комедию. Они «хлопнули дверью» и «ушли» с совещания... Для чего? Для того, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение своей страны, обеспокоенное ходом совещания.

Очень характерно поведение во время этого «кризиса» английских представителей. Бевин, исполняющий роль старшего американского приказчика в сколачиваемом блоке западноевропейских государств, с небывалой энергией начал уговаривать французов принять американские предложения. Английская пропаганда одновременно усиленно призывала французское правительство «принести жертвы во имя общих идеалов», иначе говоря, не срывать лондонские переговоры, что поколебало бы самые основы «плана Маршалла».

Но спектакль разыгрывался недолго...

Раздался окрик дяди Сама, и представители французского правительства, давно лишившегося самостоятельности и превратившегося в простое орудие в руках американской дипломатии, послушно вернулись в Лондон, где и приняли «компромиссное» американское предложение.

В связи с этим «соглашением» нельзя не вспомнить печальной памяти Локарнский договор, подписанный Англией, Францией, Италией, Бельгией, Германией в конце 1925 года. По условиям этого договора, явившегося делом рук английской дипломатии, Англия и Италия обязались гарантировать установленную Версальским миром рейнскую границу от нарушений как со стороны Германии, так и со стороны Франции или Бельгии. Таким образом, страны-победительницы — Франция и Бельгия — были поставлены тогда в одинаковое с побежденной Германией условия в вопросах мира и безопасности в Европе.

В настоящее время английское правительство, послушно следующее за агрессивным американским империализмом, проводит подобную же политику в Европе. Прошло только три года со времени безоговорочной капитуляции нацистской Германии, а мы уже видим, как по приказу из Вашингтона в Лондоне принимается решение о «контроле» над Руром, которым побежденная Германия ставится фактически в равное положение с Англией и Францией.

Поучительна также «игра в разногласия» между французами и англо-американцами, возникшая и по вопросу о будущем политическом устройстве Германии. Французская делегация выдвинула свои старые предложения о федерализации Германии, о создании такой Германии, в которой власть будет принадлежать отдельным землям. При этом французское правительство исходило из ложной предпосылки о том, что раздробленная на земли Германия якобы не будет представлять для Франции военную опасность.

Здесь надо напомнить, что товарищ В. М. Молотов на Московской сессии Совета министров иностранных дел весною 1947 года весьма полно раскрыл всю опасность, какую таит в себе расчленение или федерализация Германии. Он указывал, что только демилитаризация и демократизация единого германского государства может обеспечить желанный для народов мир во всем мире.

Но англо-американские империалисты не хотят ни единой демократической, ни федеральной Германии. Их более всего устраивает образование западногерманского государства со столицей во Франкфурте-на-Майне, марионеточное правительство которого обладало бы «всей полнотой власти» в области внешней политики, внешней торговли, финансов и т. д., а по существу являлось бы орудием для осуществления авантюристических планов американских монополий. Французы заявили, что они не могут принять американские предложения без гарантий безопасности Франции американским правительством.

Кстати — об американских гарантиях. Известно, что во время Парижской мирной конференции в 1919 году французское правительство, в обмен на ряд важных уступок по германскому вопросу, потребовало от тогдашнего президента США Вильсона гарантий на случай германской агрессии. Такие гарантии Вильсон дал, тем более, что это ни к чему его не обязывало: гарантии должен утверждать американский конгресс. Однако конгресс не утвердил взятых Вильсоном обязательств, и американские гарантии французской безопасности оказались мифом.

Что касается гарантий, которых французы потребовали от американцев на лондонском совещании в нынешнем году, то агентство Рейтер откровенно сообщило, что «американское правительство не может дать этих гарантий Западной Европе, не получив одобрения конгресса, который в год выборов вряд ли будет принимать поспешные решения»...

На «совещании шести» делегации Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга дали также согласие на созыв в сентябре 1948 года Учредительного собрания, которое должно «выработать» конституцию западно-германского государства, и на осуществление в июне сепаратной денежной реформы, что приведет к фактическому установлению государственной границы между Западной и Восточной Германией.

Прогрессивное международное общественное мнение резко отрицательно встретило лондонские решения, направленные на дальнейший раскол Германии, на подрыв дела мира и безопасности.

По всей Германии ширится движение Народного конгресса за единую демократическую Германию и справедливый мир. Немецкий народ протестует против англо-американской политики раскола Германии. Развивается и крепнет в Западной Германии забастовочное движение, направленное против англо-американской политики возрождения германского милитаризма.

Сильное недовольство и возмущение внешней политикой английского лейбористского правительства Эттли — Бевина и французского правительства Шумана—Бидо охватывает все более широкие слои населения Англии и Франции. «Бидо знает, что сыграл в Лондоне свою последнюю карту,—писал Пьер Куртад в «Юманите»,—...политика французского министерства иностранных дел полностью обанкротилась».

И не случайно вся немецкая реакция с нескрываемым восторгом встретила лондонские решения. Немецкая газета «Дейчландс штимме» не без основания писала: «Бурная радость царит во дворцах прежних господ Германии, которые теперь вновь намерены руководить немецкой экономикой и немецкой политикой в союзе с Уолл-стритом». Именно поэтому-то и было приурочено к концу совещания возвращение в Западную Германию Генриха Брюнинга, расчистившего в свое время Гитлеру путь к власти. Этот «черный канцлер» верноподданнически служит теперь своему новому фюреру — американскому доллару.

Решения лондонского совещания не могут иметь успеха, так как в самой своей основе противоречат развитию прогрессивных сил общества. На этих совещаниях, по существу, разрабатываются планы расчленения Германии, планы возрождения немецкого милитаризма и фашизма.

Сказка для взрослых

Высшими должностными лицами в Чили было сделано заявление, будто коммунисты приказали комсомольцам похитить президента республики г. Видела.

«Нью-Йорк таймс».

Говорят, как будто в Чили
Тетя Элла видела,
Как чуть-чуть не утащили
Президента Видела.
Это дело, бают в Чили,
Для великой пагубы
Коммунисты поручили
Комсомольцам якобы.
Комсомол, живым манером
Обсудивши оное,
Дал обтяпать пионерам
Это дело темное.
Пионеры—не мальчишки,
Их решенье веское:
— Мол, для нас, простите, слишком
Это дело — детское!
И немедля по причине
Их такого мнения —
Октябрятам поручили
Это похищение.
Оттого-то, говорят,
Пресса вся в истерике,
Что у прессы на ребят
Свой расчет в Америке.
Без читателей престиж
Потеряешь вскорости,
А ведь сказкам верят лишь
Люди в детском возрасте!

Владимир СОЛОВЬЕВ

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ОТРАВИТЕЛИ

При обсуждении иранским меджлисом законопроекта о запрещении производства и курения опиума выяснилось, что в Иране опиум употребляют полтора миллиона человек (почти каждый пятый человек из числа взрослого населения). В результате этого в стране ежегодно погибает почти 100 тысяч человек, причем половина из них кончает жизнь самоубийством. Ежедневно выкуривается два миллиона граммов опиума, в результате чего теряется 500 тысяч рабочих часов, что приносит национальный убыток в 10 миллионов риалов.

Под давлением заседающих в иранском меджлисе полуфеодалов-помещиков, заинтересованных в огромных прибылях от возделывания опиумного мака и от спекуляции опиумом, обсуждение законопроекта отложено на неопределенное время.

СОР ИЗ ИЗБЫ

На-днях в сенате США разразился очередной скандал. Рассвирепевшие сенаторы резко критиковали государственный департамент и его радиопередачи «Голос Америки» за то, что «с целью нарисовать слушателям истинные картины жизни Америки» в них иногда «выносят сор из избы». В частности, в одной передаче для Латинской Америки неосторожно сообщалось о том, что руководители церкви в штате Юта вынуждали своих прихожан платить налоги, избивая их резиновыми и деревянными дубинками.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆ Как сообщает турецкая газета «Истанбул», экс-король Румынии Михай получил из Голливуда предложение стать техническим консультантом кинофильма о развенчанном короле, давшем согласие работать в Америке.

◆ Как сообщает шведская газета «Ню даг», один из американских судов решил вернуть наследникам умершего гангстера часть награбленных им и конфискованных властями денег, признав их требование... законным.

◆ Федеральное бюро расследований США сообщает, что в 1947 году количество преступлений в США составляет «всего лишь»... 1.665.110 случаев.

◆ В штате Миннесота (США) закон об охране общественной морали запрещает вешать мужскую и женскую одежду на одну и ту же вешалку.

Р. ЮРЕНЕВ

ОТКУДА ЭТИ „ГЕРОИ“?

В легкой, забавной форме комедии советский зритель ищет благородную идею, умную мысль, жизненную правду. Без скидок на жанр, без оговорок, без послаблений. И если не находит, — возмущается. Без оговорок.

На наши экраны вышел цветной комедийный фильм «Поезд идет на Восток». Смотреть его идут охотно. С рекламных плакатов и фотографий улыбаются наши современники: военный моряк, молодая девушка, трактористка, железнодорожники. Манят прекрасные пейзажи нашей красавицы-страны. Но после сеанса зрители расходятся разочарованными, а часто и возмущенными.

«В кино я привык учиться чему-либо хорошему, — пишет нам П. Бойка из Самарканда. — Может быть, вы мне укажете, что в этой картине ценного?» Преподавательница техникума из Тюмени Г. И. Соколова с волнением и благодарностью пишет о благотворном влиянии, которое оказывают на студентов такие советские фильмы, как «Пирогов», «Подвиг разведчика», «Сказание о земле Сибирской». «И вдруг после этих прекрасных фильмов на экранах появился «Поезд идет на Восток». Зачем этот фильм? Чего добивался автор? Чему можно поучиться у героев?»

Студент философского факультета МГУ Г. Лехнер пишет о возмущении его товарищей содержанием этого фильма. Зрители отказываются признать персонажей фильма своими соотечественниками — советскими людьми.

Они спрашивают: откуда появились на советском экране пошловатый резонер в мундире военного моряка и кокетливая девушка с ужимками «светской львицы»?

Они пересели в советский дальневосточный экспресс из ночного автобуса линии Нью-Йорк — Миами.

Был такой рассказ американского писателя Самуэля Гопкинс Адамса. В нем описывалось, как с модного курорта Миами сбежала дочка миллионера. Был об'явлен розыск. Но избежать сыщиков девице помог наглый и предприимчивый «король репортеров». Кокетливые прихоти взбалмошной миллионерши он парировал плоскими шутками, самоуверенным самодовольством истого американца. И победил. Девица в него влюбилась. Покоренную, он доставил ее к папаше, чтобы тот отдал свое детище ему в жены, снабдив солидным приданым.

По рассказу Адамса один из опытнейших ремесленников Голливуда Роберт Рискин составил сценарий. Лет десять назад этот сценарий был опубликован у нас. По сценарию Рискина драматург Л. Малюгин сделал пьесу. Эта пьеса шла в наших театрах. Но Л. Малюгин, как говорится, не успокоился на этом. Дочку миллионера и американского репортера он решил перенести на «советскую почву». Мундир моряка и диплом Тимирязевской академии стали основными атрибутами этого маскарада.

Советский зритель по заслугам забыл «первоисточники» сценария Л. Малюгина. Но маскарад его не обманул. Недаром пишет М. М. Гостев из Воронежа, что Зиночка похожа не на советского агронома, а на Марику Рокк и прочих «звезд» буржуазного экрана. Недаром отмечает Г. Лехнер, что сентенции о советском отношении к труду, к любви, к женитьбе звучат по меньшей мере странно в двусмысленных ситуациях, в которых пребывает влюбленный капитан.

Беда не только в том, что Л. Малюгин заимствовал сюжетную ситуацию из американского фильма. Отстать от поезда, добираться по адресу на самолете и в телеге, пешком и в вагоне можно где угодно, в том числе и у нас. Главное в том, что Л. Малюгин заимствовал черты характеров, оттенки взаимоотношений героев. То, что было свойственно балованой, пустой, капризной дочке миллионера, не пристало советской девушке. То, что подходило самонадеянному американскому репортеру, оказалось чуждым советскому офицеру.

Это понимал и сам Малюгин. Поэтому он приложил много усилий, чтобы уверить зрителей в советском происхождении своих героев. Но эти усилия пропадают даром. Названо время действия — первые дни после победы над Германией. Но, показав победный салют в Москве и усадив героев в дальневосточный поезд, Малюгин забыл, что они едут на Дальний Восток, где через три месяца произойдут героические события, закончившиеся победой над Японией. Указаны места действия: советский завод, советская тракторная станция. Но люди, встреченные Лаврентьевым и Зиной по пути, очерчены торопливо, бледно. Они быстро уходят на второй план, уступая место развитию основного «конфликта» между героями.

Каков же этот основной «конфликт»? Лаврентьев уверен в том, что Зина замужем, а Зина уверена в том, что Лаврентьев женат. Это служит поводом для бесконечных рассуждений о верности, о крепости семьи, о неприемлемости «дорожных интрижек». Но как пусто, как пошло звучат эти правильные слова, тут же опровергаемые поведением героев!

Советский зритель требует от произведений любого жанра, в том числе от комедии, правдивого изображения жизни, правдивого изображения наших людей: умных, честных, чистых — советских людей. Эти люди — носители самых передовых идей, самой высокой морали. Можно ли создать образ советского человека по канве пошлого американского боевика?

Мы боремся против низкопоклонства перед Западом. Фильм «Поезд идет на Восток» — типичный пример этого порока. Пошлый западный «образец» взят советским писателем в основу фильма о наших людях!

И так как замысел фильма в основе своей порочен, то фильм не спасают ни талант молодых актеров, ни превосходное искусство операторов, виртуозно владеющих сложной техникой цветного кино.

Приговор фильму вынесен зрителем.

В каждом письме в редакцию мы читаем: пошлый, ненужный фильм.

Обсуждение новой комедии

На-днях в редакции «Литературной газеты» состоялось обсуждение комедии Б. Дьякова и М. Пенкина «Трагедия Пузырева». Этим обсуждением редакция начинает регулярные совещания, посвященные актуальным вопросам советского искусства.

Комедия Б. Дьякова и М. Пенкина посвящена разоблачению низкопоклонства перед Западом. Директор мебельной фабрики Пузырев, зазнавшийся бюрократ и рвач, копирует нелепые образцы мебели, пользующейся успехом в Америке. В комедии рассказывается, как работники завода вместе с приезжим журналистом разоблачают Пузырева.

На совещании выступили А. Борщаговский, М. Брагин, В. Гольдфельд, В. Ермилов, А. Макаров, Г. Мдивани, К. Рудницкий, Е. Рысс, Е. Холодов. Анализируя пьесу «Трагедия Пузырева», выступавшие в то же время ставили общие проблемы современной комедии.

По мнению участников обсуждения, попытка Б. Дьякова и М. Пенкина создать сатирическую комедию заслуживает поддержки. Комедия привлекает своей свежестью, остротой, злободневностью.

Однако пьеса нуждается в доработке. Ее недостаток—смешение жанров бытовой и сатирической комедии и гротеска.

Некоторые из выступавших указывали конкретные пути устранения этого недостатка. Так, например, В. Гольдфельд внес интересное предложение, которое может помочь драматургам преодолеть разностильность комедии.

В заключение Б. Дьяков и М. Пенкин поблагодарили собравшихся за ценные замечания. Авторы учтут их при дальнейшей работе над пьесой.

К. ЕВГЕНЬЕВ

Чан Кай-ши и его окружение

«Гром из Китая» — так называется книга американских журналистов Теодора Уайта и Анэли Джэкоби, изданная в США. За время, прошедшее после ее появления в свет (1946 г.), многое в Китае существенно изменилось. Выросли и окрепли силы народной демократии. Значительно расширилась территория освобожденных районов. Народно-освободительная армия одержала ряд блестящих побед над войсками Чан Кай-ши.

Тем не менее, факты и личные наблюдения авторов, приводимые в книге и относящиеся, главным образом, к годам японо-китайской войны, не потеряли интереса и сегодня. Именно с точки зрения этих фактов, а не суб'ективных, туманных и наивных политических обобщений авторов, и может привлекать наше внимание эта книга.

***

На всем протяжении войны с Японией, утверждают авторы книги «Гром из Китая», гоминдановское военное командование оказывало пассивное сопротивление японским войскам. Уже с лета 1939 года гоминдановские войска стали окапываться, военные действия начали затихать.

Японцы удерживали занятые ими районы Китая войсками, численность которых составляла, примерно, около одного миллиона человек. Их дивизии были расположены преимущественно вдоль железных дорог, по долинам рек и в крупных городах Восточного Китая. Китайские войска насчитывали около четырех миллионов человек, однако, эффективность их действий, как замечают авторы, может быть названа эффективностью «только из вежливости». Гоминдан об'яснял поражения бедностью оснащения армии. «Но это не могло об'яснить, почему другая китайская армия — коммунистическая — двигалась от успеха к успеху в Северном Китае». Дело было не столько в бедности, сколько в плохом, а подчас и предательском командовании, в низком морально-политическом уровне гоминдановских войск.

Тот, кто имел деньги, не воевал: местные китайские чиновники охотно освобождали от воинской службы по стандартным ценам. В армию забирали бедноту, которая не могла откупиться. Вступление в армию являлось «смертным приговором». Солдаты в китайской армии умирали от голода — довольствие составляло доход офицеров. Американцы «обычно смеялись, когда видели, что гоминдановские солдаты несли на палках мертвых собак... Китайские войска крали собак и ели их, так как голодали...»

Авторы вскрывают потрясающую картину разложения командного состава гоминдановской армии. Коррупция достигла чудовищных размеров. Взяточничество и вымогательство в войсках было повсеместным явлением. Командир дивизии обычно присваивал значительную часть денег, отпускаемых на содержание солдат и офицеров.

Гоминдановский тыл был плохим подспорьем фронту. Китайская деревня голодала. Авторы описывают голод в провинции Хунань, возникший в 1942 году в результате засухи и плохого урожая годом раньше:

«Крестьяне... умирали на дорогах, в горах, в грязи около железнодорожных станций, на полях. Люди были близки к смерти, а правительство продолжало выжимать из них последнюю унцию продовольственного налога. Никому не делалось снисхождения; крестьяне, которые ели кору вяза и сушеные листья, вынуждены были тащить в налоговую контору последний мешок семенного зерна. Крестьяне, которые не имели зерна, продавали живность и землю, чтобы на полученные деньги купить зерно и уплатить налог. Купцы из Сиани и Чженчжоу, мелкие правительственные чиновники, офицеры, богатые помещики занимались скупкой крестьянской земли по исключительно низким ценам».

Тем временем китайские дельцы вели активные торговые операции с японцами. Авторы книги отмечают, что частные японские предприятия широко поставляли одежду, шины, медицинские препараты, газолин и другие материалы. В обмен китайцы продавали японским военным заводам вольфрам, олово, антимоний.

Гоминдановское правительство всячески старалось скрыть собственную бездеятельность на фронтах. Китайские военные коммюнике, написанные лицами, никогда не нюхавшими пороха, кричали о тысячах людей, занятых в кровавых операциях, и об отчаянных атаках и контратаках. «В действительности — не было реальных фронтов».

В то же время гоминдановцы клеветнически обвиняли коммунистов в том, что они не воюют и якобы связаны с японцами. Но, как заявляют авторы книги, это была ложь, отвергнутая почти всеми американскими обозревателями. Влияние компартии на массы, рост ее вооруженных сил и расширение территории освобожденных районов внушали смертельный страх клике Чан Кай-ши.

В книге «Гром из Китая» приведены интересные цифры. В 1937 году китайские коммунисты имели армию численностью в 85 тысяч человек и контролировали территорию в 90 тысяч квадратных миль в Северной Шэньси с населением около полутора миллиона человек. Летом 1944 года коммунисты располагали армией в миллион человек, контролировали территорию в 300 тысяч квадратных миль с населением около 90 миллионов человек. За это время число членов компартии выросло в пять раз — с двухсот тысяч до одного миллиона. Войска, руководимые компартией, сковывали более половины японских сил в Китае.

«Коммунистическая партия, — пишут авторы, — научила крестьян самоуправлению... Были созданы сельские и уездные советы. Впервые втянувшись в правительственную машину, крестьяне увидели, что они обладают неизвестными доселе талантами и неподозревавшимися способностями»... «Таланты, вызванные на свет новыми обязанностями, успешно развивались далеко видящим коммунистическим руководством».

Народ, берущий управление в свои руки, составлял главную угрозу существованию реакционного гоминдановского режима. Боязнь того, чтобы демократические порядки не распространились из освобожденных районов на весь Китай, толкала гоминдан на одно преступление за другим.

Книга показывает, как еще в ходе японо-китайской войны гоминдановцы готовились к гражданской войне против китайского народа.

После разгрома Японии и окончания второй мировой войны, Чан Кай-ши развил лихорадочную активность, стремясь с помощью американцев перебросить свои войска в Центральный и Северный Китай, чтобы не дать 8-й Народно-революционной армии и новой 4-й армии укрепиться там. В 1945 году американцы перебросили по воздуху на фронты Северного Китая 13 китайских армий.

В борьбе против народа, против демократии продажная гоминдановская клика опирается не только на американскую помощь, но не брезгует и услугами предателей. Авторы книги отмечают, что во время войны существовала тесная связь между некоторыми элементами чунцинского правительства и коллаборационистами, сотрудничавшими с японцами в Нанкине и Бэйпине. Теперь многие из бывших генералов марионеточных войск, служившие японцам, служат Чан Кай-ши.

Окончание войны не принесло китайскому народу мира и свободы. Население попрежнему голодало, полицейский террор усилился, созданное после войны министерство по мобилизации в армию строило лагери, в которые сгоняло захваченную на улицах молодежь. Страну охватил пожар гражданской войны.

Книга показывает, что вина за создавшееся положение в Китае целиком ложится на Чан Кай-ши, который наделен званием цзунцая — верховного распорядителя гоминдана — и обладает неограниченными полномочиями. Его книга «Судьбы Китая», изданная в 1943 году, представляет собой развернутую программу наступления на демократию и внешней экспансии.

В 1941 году Чан Кай-ши сказал: «Вы думаете, важно то, что в течение этих лет я удержал японцев от их дальнейшего наступления?.. Я скажу вам, что более важно то, что я удержал коммунистов от расширения. Японцы—болезнь кожи, коммунисты—болезнь сердца». Неоднократные заявления Чан Кай-ши о желательности разрешения проблемы взаимоотношений с коммунистами «политическими средствами» — обман, Чан Кай-ши всегда был лютым врагом коммунизма, но свою вражду маскировал либеральной фразой.

Чан Кай-ши концентрирует в своих руках всю полноту военной, партийной и гражданской власти, совмещая к описываемому времени 82 (!) крупных поста. Его ближайшими помощниками являются матерые реакционеры, вроде Чэн Ли-фу, Хо Ин-цина, Кун Сян-си, Сунь Фо.

Достаточно правдиво описывая чанкайшистский Китай, авторы, тем не менее, пытаются тенденциозно оправдать американскую политику в Китае. Они не скрывают, правда, что до возникновения войны на Тихом океане США помогали японским империалистам в войне против Китая, в неприглядных тонах рисуют они и пребывание американских войск в Китае, бесчинства солдат и офицеров над населением. Однако вместе с тем авторы хотят создать неверное впечатление о каких-то «благородных» побуждениях США в Китае.

Авторы умалчивают, почему американцы не настаивают на проведении демократических реформ в Китае. Пока был жив Рузвельт, пока у руководства внешней политикой США стояли трезвые люди, прогрессивные американцы поговаривали о необходимости умеренных демократических реформ в Китае. Но при президенте Трумэне США открыто перешли к поддержке китайской реакции в ее борьбе против демократического лагеря страны. Разжигая гражданскую войну в Китае, американские монополии и тресты наживают колоссальные прибыли. Давая кабальные займы правительству Чан Кай-ши, они превращают его в послушное орудие авантюристической политики Уолл-стрита.

Однако, не гоминдановские клики и их зарубежные покровители решат судьбы Китая, их решит сам китайский народ.

Книга Уайта и Джэкоби, при всех ее недостатках, дает тому немало убедительных доказательств.

T. H. White and A. Jacoby. Thunder out of China. New York.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

[redacted]

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02601